9/11

17/11

31/m

0

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА
НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

1	16
2	17
3	18
4	19
5	20
6	21
7	22
8	23
9	24
	25
	26
	27
	28

дущих выдач .....

Клуб Военных
БИБЛИОТЕКА
Академии Б. Т. и М. С.

Г-71

JLV

Клуб Бреннер
БИБЛИОТЕКА
Академии Р. К. Н. А.

463

Р. С. Ф. С.
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
Рабоче-Крестьянской
Красной Армии
Подготовительный Курс

.....дня 192 г.

№.....

Москва, Воздвиженка 6

Ко
я 84 г.
Г-71

In Amerika

Skizzen von Maxim Gorki

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ВЪ АМЕРИКѢ

ОЧЕРКИ

49 г.
43643
БИБЛИОТЕКА
Об'единен. Клуба
Г.Д.У.З.и И.В. и ПУР'а
Московская Областная Центральная Библиотека

BERLIN
J. Ladyschnikow Verlag
G. m. b. H.

Г71

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ
внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ,
гдѣ это допускается существующими законами.

ALLE RECHTE VORBEHALTEN

Druck der Buchdruckerei Strauß A.-G., Berlin SW 68.

Оглавленіе.

	Стр.
Городъ Желтаго Дьявола	7
Царство скуки	28
«Mob»	51
Чарли Мэнъ	68

Городъ Желтаго Дьявола.

...Надъ землей и океаномъ висѣлъ сѣрый туманъ, густо смѣшанный съ дымомъ, мелкій дождь лѣниво падалъ на темныя зданія города и мутную воду залива.

У бортовъ парохода собрались эмигранты. Молча и серьезно они смотрѣли на все вокругъ пытливыми глазами надежды и опасеній, страха и радости.

Это кто? — тихо спросила дѣвушка полька, изумленно указывая на статую Свободы.

Люди долго молчали, какъ-бы не рѣшаясь отвѣтить. Потомъ раздались два слова:

— Американскій богъ...

Массивная и грубая фигура женщины изъ бронзы была покрыта съ ногъ до головы зеленой окисью, напоминавшей плѣсень. Холодное лицо слѣпо смотрѣло сквозь туманъ въ пустыню океана, точно темная бронза напряженно ожидала издали чего-то яркаго, что оживило-бы ея глаза, неподвижные и мертвые. Подъ ногами Свободы — мало земли, она кажется поднявшейся изъ океана и пьедесталъ ея — какъ застывшія волны. Ея рука, высоко поднятая надъ океаномъ и мачтами судовъ, придаетъ позѣ гордое величіе и красоту. Кажется — вотъ факелъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ ярко вспых-

нетъ, разгонитъ сѣрый дымъ и щедро обольетъ все кругомъ горячимъ, радостнымъ свѣтомъ.

А кругомъ ничтожнаго куска земли, на которомъ она стоитъ, скользятъ по водѣ океана, какъ допотопныя чудовища, огромныя желѣзныя суда, мелькаютъ, какъ голодные хищники, маленькіе пароходы и катера. Ревутъ сирены, подобно голосамъ сказочныхъ гигантовъ, потерянныхъ въ туманѣ, раздаются рѣзкіе, сердитые свистки, гремятъ цѣпи якорей, сурово плещутъ волны океана.

Все вокругъ бѣжитъ, стремится, вздрагиваетъ отъ напряженія. Винты и колеса пароходовъ торопливо бьютъ воду — она покрыта желтой, мутной пѣной гнѣва, изрѣзана морщинами страданій . . .

И кажется, что все — желѣзо, камни, вода, дерево — полно безсильнаго протеста противъ этой жизни безъ солнца, безъ пѣсенъ и счастья, въ плѣну тяжелаго труда. Вездѣ — трудъ. Все охвачено его буреи. Все стонетъ, воетъ, скрежещетъ и повинуется волѣ какой-то тайной силы, враждебной человѣку и природѣ... Повсюду на груди воды, изрытой и разорванной желѣзомъ, запачканной жирными пятнами масла и нефти — черными пятнами, засоренной щепами и стружками, соломой и остатками пищи — работаетъ невидимая глазомъ холодная и злая сила. Она сурово и однообразно даетъ толчки всей этой необъятной машинѣ, лишенной разума и цѣли, въ которой корабли и доки — только маленькія части, а человѣкъ — ничтожный винтъ, невидимая точка, среди уродливыхъ и грязныхъ

сплетеній желѣза, дерева, судовъ и лодокъ, и какихъ-то уродливыхъ плоскихъ барокъ, нагруженныхъ вагонами.

Куски и части машины суетливо вертятся на водѣ и въ ихъ странномъ, скучномъ танцѣ безъ ритма и радости — нѣтъ человѣка, нѣтъ его воли, нѣтъ его лица.

Какое-то ошеломленное, оглохшее отъ шума, задерганное этой невольной пляской мертвой матеріи двуногое существо, все въ черной копоти и маслѣ, странно смотритъ на меня, сунувъ руки въ карманы штановъ. Лицо его замазано густымъ налетомъ жирной грязи, и изъ глазъ живого человѣка сверкаютъ на немъ, а бѣлая кость зубовъ.

* *
*

Медленно ползетъ судно среди толпы другихъ судовъ. Лица эмигрантовъ стали странно сѣры, отупѣли, что-то однообразно овечье покрыло всѣ глаза. Люди стоятъ у борта и всѣ безмолвно смотрятъ въ туманъ.

А въ немъ рождается, ростетъ нѣчто непостижимо огромное, полное тяжелаго, гулкаго ропота, оно дышетъ навстрѣчу людямъ тяжелымъ, пахучимъ дыханіемъ и въ шумѣ его слышно что-то грозное, жадное, голодное...

Это — городъ, это — Нью-Іоркъ. На берегу стоятъ двадцати-этажные дома, безмолвныя и темныя «скребницы неба». Квадратныя, лишенныя желанія быть красивыми, эти тупыя, тяжелыя зданія

поднимаются вверхъ угрюмо и скучно. Прямыя, однообразно мертвыя линіи лишены красоты, которую дастъ гармонія частей. И въ каждомъ домѣ

холодная, надменная кичливость своимъ уродствомъ — своею высотой. Но въ этой высотѣ отсутствуетъ свобода — дома толкаетъ вверхъ цѣна земли и низость вкуса. Чувствуется, что въ этихъ большихъ теминцахъ мертво живутъ маленькіе люди. Въ окнахъ нѣтъ цвѣтовъ и не видно дѣтей...

Издали городъ кажется огромной челюстью, съ неровными и черными зубами. Онъ дышетъ въ небо тучами дыма и сопитъ, какъ обжора, страдающій ожирѣніемъ.

Войдя въ него, чувствуешь, что ты попалъ въ желудокъ изъ камня и желѣза, въ желудокъ, который проглотилъ нѣсколько милліоновъ людей и растираетъ, перевариваетъ ихъ. И жадно ждетъ еще, еще...

Улица — скользкое, алчное горло, по нему, куда-то вглубь плывутъ темные куски пищи города, живые люди. Вездѣ — надъ головой и подъ ногами и рядомъ съ тобой живетъ, грохочетъ, торжествуя свои побѣды, темное желѣзо. Вызванное къ жизни силою Золота, одушевленное имъ, оно окружаетъ человѣка своей крѣпкой паутиной, глушитъ его, сосетъ кровь и мозгъ, оно пожираетъ его мускулы и нервы, и растетъ, и растетъ, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая свои цѣпи.

Какъ огромные черви ползутъ локомотивы и

вагоны, кричать, подобно жирным уткам, рожки автомобилей, угрюмо воет электричество — душный воздух напоен, точно губка влагой, тысячами ревущих звуков. Придавленный к этому грязному городу, испачканный дымом фабрик, он заперт, как в темницу, среди высоких стен, покрытых копотью. Он дрожит, тревожно дышет в лицо тяжелыми запахами, он отравлен, страдает, стонет...

* * *

На площадях и в маленьких скверах, где пыльные листья деревьев неподвижно и грустно висят на ветвях, возвышаются темные монументы. Их лица покрыты толстыми слоями грязи, и глаза их, когда-то горевшие любовью к родине, засыпаны пылью города. Эти бронзовые люди мертвы и одиноки в светлых многоэтажных домов, они кажутся карликами, в черной тени высоких стен, они заплутались в хаосе безумия вокруг них, остановились, и полуослепленные грустно, с болью в сердце смотрят на жадную суету людей у ног их. Люди, маленькие, черные, суетливо бегут мимо монументов, и никто не бросит взгляда на лицо героя. Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы.

И кажется, что все бронзовые люди умерщвлены одной и той-же душной и тяжелой мыслью:

«Разве такую жизнь хотел я создать?»

Вокругъ кишитъ, точно супъ на плитѣ, лихорадочная жизнь. Люди бѣгутъ, вертятся, исчезаютъ въ этомъ кипѣніи, точно крупинки въ бульонѣ, какъ щепки въ морѣ. Городъ реветъ и глотаетъ ихъ одного за другимъ своей ненасытной пастью.

Одни изъ героевъ опустили руки, другіе подняли ихъ, протягивая надъ головами людей и точно хотятъ сказать:

— Остановитесь! Это не жизнь, это безуміе...

И всѣ они лишніе, среди хаоса уличной жизни, всѣ они не на мѣстѣ, въ дикомъ ревѣ жадности, въ тѣсномъ плѣну угрюмой фантазіи изъ камня, стекла и желѣза. Однажды ночью, всѣ вдругъ, они сойдутъ съ пьедесталовъ и тяжелыми шагами оскорбленныхъ, пройдутъ по улицамъ, унесутъ тоску своего одиночества куда-нибудь вонъ, прочь изъ этого города, въ поле, гдѣ блеститъ луна, есть воздухъ и тихій покой. Когда человѣкъ всю жизнь трудился на благо своей родины, онъ этимъ несомнѣнно заслужилъ, чтобъ послѣ смерти его оставили въ покоѣ.

* * *

По тротуарамъ спѣшно идутъ люди, увлекаемые силой, поработившей ихъ. Они шагаютъ быстро, торопливо, туда и сюда, по всѣмъ направленіямъ улицъ. Всюду ихъ всасываютъ внутрь себя глубокія поры каменныхъ стѣнъ. Торжествующій гулъ желѣза, громкій вой электричества, гремящій шумъ работъ по устройству новой сѣти металла, новыхъ

стѣнъ изъ камня — все это заглушаетъ голоса людей, какъ буря въ океанѣ крики птицъ.

Лица людей неподвижно спокойны — должно быть никто изъ нихъ не чувствуетъ несчастья быть рабомъ жизни, нищей города — чудовища. Въ печальномъ самомнѣніи они считаютъ себя хозяевами своей судьбы — въ глазахъ у нихъ порою свѣтится сознаніе своей независимости, но, видимо, имъ непонятно, что это только независимость топора въ рукѣ плотника, молотка въ рукѣ кузнеца, кирпича въ рукахъ невидимаго каменщика, который, хитро усмѣхаясь, строитъ для всѣхъ одну огромную, но тѣсную и душную тюрьму. Есть много энергичныхъ лицъ, но на каждомъ лицѣ прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа — не свѣтится въ глазахъ у нихъ. И эта энергія безъ свободы напоминаетъ холодный блескъ ножа, который еще не успѣли иступить, лоскъ новой веревки, которую еще мало употребляли въ дѣло. Это — свобода слѣпыхъ орудій въ рукахъ Желтаго Дьявола — Золота.

Я впервые вижу такой чудовищный городъ, и никогда еще люди не казались мнѣ такъ ничтожны, такъ порабощены жизнью. И въ то же время я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ такими трагикомически довольными собой, каковы они въ этомъ жадномъ и грязномъ желудкѣ обжоры, который впалъ отъ жадности въ идіотизмъ и съ дикимъ ревомъ скота пожираетъ мозги и нервы...

* * *

О людяхъ — страшно и больно говорить.

Вагонъ «воздушной дороги» съ воемъ и грохотомъ мчится по рельсамъ, между стѣнъ домовъ узкой улицы, на высотѣ третьихъ этажей, однообразно опутанныхъ рѣшетками желѣзныхъ балконовъ и лѣстницъ. Окна открыты и почти въ каждомъ изъ нихъ — фигуры людей. Одни работаютъ, что-то шьютъ или считаютъ, наклонивъ головы надъ конторками, другіе просто сидятъ у оконъ, лежатъ грудью на подоконникахъ и смотрятъ на вагоны, каждую минуту пробѣгающіе мимо ихъ глазъ. Старые, молодые и дѣти — всѣ одинаково безмолвны, всѣ однообразно спокойны. Привыкли къ этимъ стремленіямъ безъ цѣли, привыкли думать, что тутъ есть цѣль. Въ глазахъ — нѣтъ гнѣва противъ владычества желѣза, нѣтъ ненависти къ его торжеству. Мельканіе вагоновъ сотрясаетъ стѣны домовъ, вздрагиваютъ груди женщинъ, головы мужчинъ, на рѣшеткахъ балконовъ валяются тѣла дѣтей и тоже дрожатъ, привыкая принимать эту отвратительную жизнь, какъ должное, необходимое, неизбѣжное. Въ мозгахъ, которые всегда встряхиваютъ, вѣроятно, невозможно для мысли плести свои смѣлыя, красивыя кружева и невозможно для нея родить живую, дерзкую мечту.

Вотъ промелькнуло темное лицо старухи въ грязной кофтѣ, разстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонамъ, замученный, отравленный воздухъ испуганно бросился въ окна, сѣдые волосы на головѣ старухи затрепетали, точно крылья сѣрой

итицы. Она закрыла свинцовые, погасшіе глаза. Исчезла.

Въ мутныхъ внутренностяхъ комнатъ мелькаютъ желѣзные прутья кроватей, покрытыхъ лохмотьями, грязная посуда и объѣдки пищи на столахъ. Хочется увидѣть цвѣты на окнахъ, лицевъ человѣка съ книгой въ рукѣ... Стѣны льются мимо глазъ, точно расплавленныя, онѣ текутъ грязнымъ потокомъ навстрѣчу, и въ его однообразно быстромъ бѣгѣ тягостно копошатся безмолвные, озабоченные люди.

Лысый черепъ тускло блеснулъ за стекломъ, покрытымъ слоемъ пыли. Онъ однообразно качался надъ какимъ-то станкомъ. Дѣвушка, рыжеволосая и тонкая, сидитъ на окнѣ и вяжетъ чулокъ, считая темными глазами петли. Ударомъ воздуха ее качнуло внутрь комнаты — она не отвела глазъ отъ своего чулка и не поправила платья, развѣяннаго вѣтромъ. Два мальчика, лѣтъ по пяти, строятъ на балконѣ домъ изъ щепокъ. Онъ развалился отъ сотрясенія. Дѣти хватаютъ маленькими лапами тонкія щены, чтобы онѣ не упали на улицу, сквозь отверстія въ рѣшеткѣ балкона. И тоже не смотрятъ на причину, помѣшавшую ихъ задачѣ. Еще и еще лица, одно за другимъ мелькаютъ въ окнахъ, точно осколки чего-то одного большого, но разбитаго въ ничтожныя пылинки, растертаго въ дресву.

И всѣ — мертво спокойны.

Гонимый бѣшенымъ бѣгомъ вагоновъ, воздухъ

развѣваетъ платье и волосы людей, бьетъ имъ въ лицо теплой, влажной отъ запаховъ волной, толкаетъ, вгоняетъ имъ въ уши тысячи звуковъ, бросаетъ въ глаза мелкую, ѣдкую пыль, слѣпитъ, оглушаетъ, душитъ и оретъ протяжнымъ, непрерывно-воющимъ звукомъ...

Живому человѣку, который мыслитъ, который создаетъ въ своемъ мозгу мечты, картины, образы, всегда родитъ желанія, тоскуетъ, хочетъ, отрицаетъ, ждетъ — живому человѣку этотъ дикій вой, визгъ, ревъ, эта дрожь камня стѣнъ, трусливый дребезгъ стеколъ въ окнахъ — все это ему мѣшало-бы. И, возмущенный помѣхой жизни, онъ вышелъ-бы изъ дома и сломалъ, разрушилъ эту мерзость — «воздушную дорогу», онъ заставилъ-бы замолчать нахальный вой желѣза, онъ — хозяинъ жизни, жизнь — для него, и все, что ему мѣшаетъ жить — должно быть уничтожено.

Люди въ домахъ города Желтаго Дьявола спокойно переносятъ все, что убиваетъ въ нихъ человѣка и дѣлаетъ изъ нихъ скотовъ.

* * *

Внизу, подъ желѣзной сѣтью «воздушной дороги», въ пыли и грязи мостовыхъ, безмолвно возятся дѣти, — безмолвно, хотя они смѣются и кричатъ, какъ дѣти всего міра, — но голоса ихъ тонутъ въ грохотѣ надъ ними, точно капли дождя въ морѣ. Они кажутся цвѣтами, которые чья-то грубая рука выбросила изъ оконъ домовъ на грязь

21703

улицы, и среди площадей города они подобны овощамъ на столѣ обжоры. Питая свои тѣла жирными испареніями города, они блѣдны и желты, кровь ихъ отравлена ядами воздуха и нервы раздражены зловѣщимъ крикомъ ржаваго металла, угрюмымъ воемъ порабощенныхъ молній.

Развѣ изъ этихъ дѣтей выростутъ здоровые, смѣлые, гордые люди? — спрашиваешь себя. Въ отвѣтъ отовсюду раздается скрежетъ, хохотъ, злой визгъ.

43643

Вагоны несутся мимо Истъ-Сайда, квартала бѣдныхъ, компостной ямы города. Глубокія канавы улицъ, ведущія людей куда-то въ глубины города, гдѣ — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра, котелъ или кострюля. Туда стекаются всѣ эти люди, и тамъ изъ нихъ вывариваютъ, плавятъ золото. Канавы улицъ кишатъ дѣтьми и нищетой.

Я очень много видѣлъ нищеты, мнѣ хорошо знакомо ея зеленое, безкровное, костлявое лицо. Ея глаза, тупые отъ голода и горящіе жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловѣческіе, я всюду видѣлъ, но ужасъ нищеты Истъ-Сайда — мрачнѣе всего, что я знаю.

Въ этихъ улицахъ, набитыхъ людьми, точно мѣшки крупой, дѣти жадно пищутъ въ коробкахъ съ мусоромъ, стоящихъ у панелей, загнившія овощи и пожираютъ ихъ вмѣстѣ съ плѣсенью тутъ-же, въ ѣдкой пыли и духотѣ.

Когда они находятъ корку загнившаго хлѣба,

она возбуждаетъ среди нихъ дикую вражду; охваченныя желаніемъ проглотить ее, они дерутся, какъ маленькія собаченки. Они покрываютъ мостовыя большими стаями, какъ прожорливые голуби; въ часъ ночи, въ два и позднѣе — они все еще роются въ грязи, эти жалкіе цвѣты нищеты, живые упреки жадности богатыхъ.

На углахъ грязныхъ улицъ стоятъ какія-то печи или жаровни, въ нихъ что-то всегда кипитъ, и паръ, вырываясь по тонкой трубкѣ на воздухъ, свиститъ въ придѣланный на концѣ ея маленькій свистокъ. Этотъ тонкій, рѣжущій ухо свистъ прорываетъ своимъ дрожащимъ остріемъ всѣ звуки улицъ, онъ тянется безконечно, какъ ослѣпительно бѣлая, холодная нить, онъ закручивается вокругъ горла, путаетъ мысли въ головѣ, бѣситъ, гонитъ куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожитъ въ гниломъ запахѣ, покрывшемъ воздухъ, дрожитъ насмѣшливо, рѣзко, злобно пронизывая и порицая всю эту жизнь въ грязи.

Грязь — стихія, она пропитала собою все: стѣны домовъ, стекла оконъ, одежды людей, поры ихъ тѣла, мозги, желанія, мысли...

Въ этихъ улицахъ темныя впадины дверей подобны загнившимъ ранамъ въ камнѣ стѣнъ. Когда заглянешь въ нихъ, увидишь черныя ступени лѣстницъ, покрытыя мусоромъ, облѣпленныя грязью, то кажется, что тамъ внутри все разложилось и гнойно, какъ во чревѣ трупа. И люди представляются червями...

Высокая женщина съ большими темными глазами стоитъ у двери, на рукахъ у нея ребенокъ, ея кофта разстегнута, и безсильно повисла ея длинная грудь вся въ морщинахъ и въ грязи. Ребенокъ кричитъ, царапаетъ маленькими пальцами вялое, голодное тѣло матери, тычется въ него лицомъ, чмокаетъ губами, на минуту умолкаетъ и вновь кричитъ съ бо́льшей силой и снова бьетъ руками и ногами грудь матери. Она стоитъ, точно камень, и глаза ея круглые, какъ у совы, неподвижны — они смотрятъ упорно въ одну точку передъ собой. Чувствуешь, что этотъ взглядъ не можетъ видѣть ничего, кромѣ хлѣба. Она плотно сжала губы и дышетъ носомъ, ноздри ея вздрагиваютъ, медленно втягивая пахучій, густой воздухъ улицы — этотъ человѣкъ живетъ воспоминаніемъ о пищѣ, проглоченной имъ вчера, мечтой о кускѣ, который онъ, можетъ быть, съѣстъ когда-нибудь. Ребенокъ кричитъ, судорожно подергиваясь маленькимъ, желтымъ тѣльцемъ — она не слышитъ его криковъ, не чувствуетъ ударовъ...

Старикъ, длинный и худой, съ хищнымъ лицомъ, безъ шляпы на сѣдой головѣ, прищуривъ красныя вѣки больныхъ глазъ, осторожно роется въ кучѣ мусора, отбирая куски угля. Когда къ нему подходятъ, онъ неуклюже, точно волкъ, поворачиваетъ туловище и что-то говоритъ.

Юноша, очень блѣдный и худой, опираясь на столбъ фонаря, смотритъ сѣрыми глазами вдоль улицы и по временамъ встряхиваетъ курчавой го

ловой. Его руки засунуты глубоко въ карманы брюкъ и судорожно шевелятъ тамъ пальцами...

Здѣсь, въ этихъ улицахъ, человѣкъ замѣтенъ, слышенъ его голосъ, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здѣсь у человѣка есть лицо — голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуютъ, замѣтно, что они думаютъ. Они кишатъ въ этихъ грязныхъ канавахъ, трутся другъ о друга, точно соръ въ потокѣ мутной воды, ихъ кружитъ и вертитъ сила голода, ихъ оживляетъ острое желаніе съѣсть сегодня что-нибудь.

Въ ожиданіи пищи, въ мечтахъ о наслажденіи быть сытыми, они глотаютъ насыщенный ядами воздухъ, и въ темныхъ глубинахъ ихъ душъ рождаются острыя мысли, хитрыя чувства, преступныя желанія.

Они подобны болѣзнетворнымъ микробамъ въ желудкѣ города, и будетъ время, когда они его отравятъ тѣми-же ядами, которыми онъ такъ щедро питаетъ ихъ теперь!

А у фонаря стоитъ юноша и время отъ времени встряхиваетъ головой, крѣпко стиснувъ голодные зубы. Мнѣ кажется, я понимаю, о чемъ онъ думаетъ, чего онъ хочетъ — имѣть огромныя руки страшной силы и крылья за спиной онъ хочетъ, мнѣ кажется. Это для того, чтобы однажды днемъ подняться надъ городомъ, опустить въ него руки, какъ два стальныхъ рычага и смѣшать все въ немъ въ груду мусора и праха, кирпичъ и жемчугъ, золото и мясо рабовъ, стекло и милліонеровъ, грязь, идіотовъ,

храмы, деревья, отравленныя грязью, и эти глупыя, многоэтажныя «скребницы неба», все, весь городъ — въ кучу, въ тѣсто изъ грязи и крови людей — въ тотъ первобытный, скверный хаосъ, изъ котораго онъ созданъ! Это страшное желаніе естественно въ мозгу юноши, какъ нарывъ на тѣлѣ худосочнаго. Гдѣ много работы рабовъ, тамъ не можетъ быть мѣста для свободной, творческой мысли, тамъ могутъ цвѣсти только идеи разрушенія, ядовитые цвѣты мести, буйный протестъ животнаго. Это понятно — искажая душу человѣка, люди не должны ждать отъ него милосердія къ нимъ.

Человѣкъ имѣетъ право мести — это право даютъ ему люди.

* * *

Въ мутномъ небѣ, покрытомъ копотью, гаснетъ день. Огромные дома становятся еще мрачнѣе, тяжелѣе. Кое-гдѣ въ ихъ темныхъ нѣдрахъ вспыхиваютъ огни и блестятъ, точно желтые глаза страшныхъ звѣрей, которые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этихъ гробницъ.

Люди кончили работу дня и, не думая о томъ, зачѣмъ она сдѣлана, нужна-ли она для нихъ, быстро бѣгутъ спать. Тротуары залиты черными потоками человѣческаго тѣла. Всѣ головы, однообразно покрытыя круглыми шляпами, и всѣ мозги, какъ это видно по глазамъ, уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чемъ. Всѣ думаютъ только для Хозяина, о себѣ думать нечего, если есть работа —

будетъ хлѣбъ и дешевыя наслажденія жизнью, кромѣ этого ничего не нужно человѣку въ городѣ Желтаго Дьявола.

Люди идутъ къ своимъ постелямъ, къ женщинамъ своимъ, своимъ мужчинамъ, и ночью, въ душныхъ комнатахъ, потные и скользкіе отъ пота, будутъ цѣловаться, чтобы для города родилась новая, свѣжая пища...

Идутъ... Не слышно смѣха, нѣтъ веселаго говора и не блестятъ улыбки.

На утомленныхъ лицахъ, съ блѣдными губами вялое любопытство, тупое ожиданіе увидѣть что-нибудь еще незнакомое, услышать что-то новое.

Крякаютъ автомобили, щелкаютъ бичи, густо поютъ электрическіе провода, гремятъ вагоны. Вѣроятно гдѣ-нибудь играетъ музыка.

Мальчишки рѣзко выкрикиваютъ названія газетъ. Подлый звукъ шарманки и чей-то вопль сливаются въ трагикомическомъ объятіи убійцы и балаганнаго шута... Безвольно идутъ маленькіе, черные люди, точно камни катятся подъ гору...

Все больше и больше вспыхиваетъ всюду желтыхъ огней — цѣлыя стѣны сверкаютъ пламенными словами о пивѣ, о виски, о мылѣ, новой бритвѣ, шляпахъ, сигарахъ и о театрахъ. Грохотъ желѣза, гонимаго всюду вдоль улицъ жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда вездѣ горятъ огни, этотъ вой, этотъ непрерывный вопль еще значительнѣе, онъ пріобрѣтаетъ новый смыслъ, болѣе тяжелую силу.

Со стѣнъ домовъ, съ вывѣсокъ, изъ оконъ ресторановъ — льется ослѣпляющій свѣтъ расплавленнаго Золота. Нахальный, крикливый, онъ торжествующе трепещетъ всюду и рѣжетъ глаза, искажаетъ лица своимъ холоднымъ блескомъ. Его хитрое сверканіе полно зависти, полно острой жажды вытянуть изъ кармановъ людей ничтожныя крупицы ихъ заработка — онъ слагаетъ свои подмигиванія въ огненныя слова и этими словами молча зоветъ рабочихъ къ дешевымъ удовольствіямъ, предлагаетъ имъ удобныя вещи...

Страшно много огня въ этомъ городѣ! Сначала это кажется красивымъ, поражаетъ и, возбуждая, веселитъ. Огонь — свободная стихія, прекрасный сынъ солнца, гордое его дитя. Когда онъ буйно расцвѣтаетъ — его цвѣты трепещутъ и живутъ прекрасней всѣхъ цвѣтовъ земли. Онъ очищаетъ жизнь, онъ можетъ уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но, когда долго смотришь на огонь въ этомъ городѣ — на огонь, заключенный въ прозрачныя темницы изъ стекла, когда увидишь, какъ мертвъ и скученъ его блескъ, тогда понимаешь, что здѣсь, какъ все, огонь — порабощенъ. Онъ служитъ Золоту, для Золота и онъ враждебно далекъ отъ людей...

Какъ все — желѣзо, камень, дерево — огонь тоже въ заговорѣ противъ человѣка, ослѣпляя его, онъ зоветъ:

— Иди сюда!

И выманиваетъ:

— Отдай твои деньги?!...

Люди идутъ на этотъ зовъ, покупаютъ ненужную имъ дрянь, смотрятъ на зрѣлища, отупляющія ихъ, и молча уходятъ, опьяненные, въ свои комнаты.

Кажется, что гдѣ-то въ центрѣ этого города вертится со сладострастнымъ визгомъ и ужасающей быстротой большой комъ Золота, онъ распыливаетъ по всѣмъ улицамъ мелкія пылинки, и цѣлый день люди жадно ловятъ, ищутъ, хватаютъ ихъ. Но вотъ наступаетъ вечеръ, комъ Золота начинаетъ вертѣться въ противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягиваетъ въ него людей затѣмъ, чтобы они отдали назадъ золотую пыль, пойманную днемъ. Они отдаютъ всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня, комъ Золота увеличивается въ объемѣ, его вращеніе становится быстрѣе, громче звучитъ торжествующій вой желѣза, его раба, и всѣхъ силъ, порабощенныхъ имъ.

И жаднѣе, съ большей властью, чѣмъ вчера, оно сосетъ кровь и мозгъ людей для того, чтобы къ вечеру эта кровь, этотъ мозгъ обратились въ холодный, желтый металлъ. Комъ Золота — сердце города. Въ его біеніи — вся жизнь, въ ростѣ его объема — весь смыслъ ея.

Для этого люди цѣлыми днями роютъ землю, куютъ желѣзо, строятъ дома, дышутъ дымомъ фабрикъ, всасываютъ порами тѣла грязь отравленнаго, больного воздуха, для этого они продаютъ свое красивое тѣло.

Это скверное волшебство усыпляетъ ихъ души, оно дѣлаетъ людей гибкими орудіями въ рукѣ Желтаго Дьявола и рудой, изъ которой онъ неустанно плавитъ Золото, свою плоть и кровь.

* *
*

Отъ пустыни океана идетъ ночь и дышетъ на городъ прохладнымъ, соленымъ дыханіемъ. Тысячами стрѣлъ вонзаются въ нее холодные огни — она идетъ, сострадательно окутывая своими темными одеждами безобразіе домовъ, мерзость узкихъ улицъ, прикрывая грязь лохмотьевъ нищеты, уродливый блескъ богатыхъ одеждъ. Дикій вопль жаднаго безумія несется ей навстрѣчу, разрывая ея тишину — она идетъ и медленно гаситъ нахальный блескъ порабощеннаго огня, закрывая своей мягкой рукой гнойныя язвы города.

Но, вступая въ сѣти улицъ, она не въ силахъ побѣдить, разогнать своимъ свѣжимъ дыханіемъ густые запахи — ядовитыя испаренія города, отравляющаго ее. Она трется о камень стѣнъ, нагрѣтый солнцемъ, ползетъ по ржавому желѣзу крышъ, по грязи мостовыхъ, пропитывается ядовитой пылью, глотаетъ запахи, и опуская крылья, безсильно, неподвижно ложится на крыши домовъ, въ канавы улицъ и замираетъ. Она уже не дышетъ больше — отъ нея осталась только тьма, — свѣжесть и прохлада исчезли, проглоченныя камнемъ, желѣзомъ, деревомъ, грязными легкими людей... Въ ней больше нѣтъ тишины, нѣтъ поэзіи...

Городъ засыпаетъ въ духотѣ, онъ ворчитъ, какъ огромное животное. Оно слишкомъ много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко и снятся дурные, тяжелые сны.

Вздрагивая угасаетъ огонь, отслуживъ свою жалкую службу приказчика, лакея, рекламы. Дома всасываютъ людей одного за другимъ въ свои каменныя внутренности.

Худой, высокій и сутулый человѣкъ стоитъ на углу улицы и скучно безцвѣтными глазами смотритъ направо и налѣво, медленно повертывая голову. Куда идти? Всѣ улицы одинаковы, и всѣ дома смотрятъ другъ на друга бѣльмами тусклыхъ оконъ одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давитъ горло влажной и теплой рукой, стѣсняя дыханіе. Надъ крышами домовъ неподвижно стоитъ прозрачное облако дневныхъ испареній проклятаго, несчастнаго города. Сквозь эту пелену въ недосягаемой высотѣ небесъ тускло мерцаютъ тихія звѣзды.

Человѣкъ снялъ шляпу, поднялъ голову, смотритъ вверхъ. Высота домовъ въ этомъ городѣ оттолкнула небо дальше отъ земли, чѣмъ гдѣ-либо. Звѣзды — мелки, одиноки...

Вдали тревожно звучитъ мѣдная труба. Длинныя ноги человѣка странно вздрагиваютъ, и онъ идетъ въ одну изъ улицъ, шагая медленно, наклонивъ голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все болѣе пустынными. Одинокіе маленькіе люди исчезаютъ, точно мухи пропадая во

тьмѣ. На углахъ неподвижно стоятъ полицейскіе въ сѣрыхъ шляпахъ съ палками въ рукахъ. Они жуютъ табакъ, медленно двигая челюстями.

Человѣкъ идетъ мимо нихъ, мимо телефонныхъ столбовъ, и множества черныхъ дверей въ стѣнахъ домовъ, черныхъ дверей, сонно разинувшихъ квадратныя пасти. Гдѣ-то далеко гремитъ и воетъ вагонъ трамвая. Ночь задохнулась въ глубокихъ клѣткахъ улицъ, ночь умерла.

Человѣкъ идетъ, размѣренно передвигая ноги, и качаетъ свой длинный, согнутый корпусъ. Въ его фигурѣ есть что-то думающее и хотя нерѣшительное, но рѣшающее...

Мнѣ кажется, онъ — воръ. И сегодня онъ голоденъ.

Пріятно видѣть человѣка, который чувствуетъ себя живымъ, одиноко живущимъ въ черныхъ сѣтяхъ города.

Раскрытыя окна дышутъ тошнымъ запахомъ человѣческаго пота.

Непонятные, глухіе звуки дремотно возятся въ душной, тоскливой тьмѣ...

Уснулъ и сонно бредитъ мрачный городъ Желтаго Дьявола.

Царство скуки.

Когда приходитъ ночь — на океанѣ вдругъ поднимается къ небу призрачный городъ, весь изъ огней. Тысячи рдѣющихъ искръ раскаленно сверкаютъ во тьмѣ, тонко и четко рисуя на темномъ фонѣ неба стройныя башни чудесныхъ замковъ, дворцовъ и храмовъ изъ разноцвѣтно-горящаго хрусталя. Въ воздухѣ трепещетъ золотая паутина, сплетаясь въ прозрачные узоры пламени, и замираетъ, любуясь своей красотой, отраженной въ водѣ. Сказочно и непонятно это сверканіе огня, который горя — не уничтожаетъ, и невыразимо прекрасенъ его великолѣпный, едва замѣтный для глаза трепетъ, создающій въ пустынѣ неба и океана волшебную картину огненнаго города. Надъ нимъ колышется красноватое зарево, и вода отражаетъ его очертанія, сливая ихъ въ причудливыя пятна расплавленнаго золота...

Игра огня рождаетъ странныя мечты: кажется, что тамъ, въ залахъ дворцовъ, въ яркомъ блескѣ пламенной радости, тихо и гордо звучитъ музыка, которой не слыхалъ никто и никогда. На волнѣ ея стройнаго теченія носятся, точно крылатыя звѣзды, лучшія мысли земли. Въ священномъ танцѣ онѣ

соприкасаются одна съ другой и, ярко вспыхнувъ въ мимолетномъ объятіи, рождаютъ новое пламя, новую мысль.

Кажется, что тамъ, въ мягкой тьмѣ, на зыбкой груди океана, качается чудесно сотканная изъ нитей золота, цвѣтовъ и звѣздъ, большая колыбель — въ ней ночью отдыхаетъ солнце.

* * *

Солнце ставитъ человѣка ближе къ правдѣ жизни. Днемъ на мѣстѣ огненной сказки видны только бѣлыя воздушныя зданія.

Голубой туманъ дыханій океана смѣшанъ съ дымомъ города, сѣрымъ и мутнымъ, бѣлыя легкія зданія окутаны прозрачной пеленой и въ ней они, подобно мареву, заманчиво дрожатъ, зовутъ къ себѣ и обѣщаютъ что-то прекрасное и тихое.

Тамъ, сзади, тяжело стоятъ въ тучахъ дыма и пыли квадратные дома города, и не смолкая раздается его ненасытный, голодно-жадный ревъ. Этотъ напряженный звукъ, сотрясающій воздухъ и душу, немолчный вой желѣзныхъ струнъ, тоскливый вопль силъ жизни, угнетаемыхъ силою Золота, холодный, насмѣшливый свистъ Желтаго Дьявола, — этотъ шумъ гонитъ прочь отъ земли, раздавленной и загрязненной вонючимъ тѣломъ города. И люди идутъ на берегъ океана, гдѣ стоятъ, обѣщая имъ отдыхъ и тишину, красивыя, бѣлыя зданія.

Они тѣсно сомкнулись на длинной, песчаной косѣ, которая, подобно ножу, глубоко и остро вон-

зилась въ темныя воды. Песокъ блеститъ на солнцѣ теплымъ, желтымъ блескомъ, и на его бархатѣ прозрачныя зданія подобны тонкимъ вышивкамъ изъ бѣлаго шелка. Какъ будто нѣкто пришелъ на остріе косы и погрузился въ волны, бросивъ свои богатыя одежды на грудь имъ.

Хочется пойти и прикоснуться къ мягкимъ, ласковымъ тканямъ, лечь на ихъ пышныя складки и смотрѣть въ пустыню, гдѣ безшумно и быстро мелькаютъ бѣлыя птицы, гдѣ океанъ и небо дремотно замерли въ знойномъ блескѣ солнца.

Это называется — Кони Айландъ.

По понедѣльникамъ газеты города съ торжествомъ извѣщаютъ читателя:

«Вчера на Кони Айландъ было 300 000 человѣкъ. Потеряно 23 ребенка»...

Прочитавъ это, каждый думаетъ:

— Значитъ, тамъ есть что-то!...

...Нужно долго ѣхать въ пыли и крикахъ улицъ на трамваѣ по Бруклину и острову Лонгъ Айландъ, прежде чѣмъ передъ глазами явится ослѣпительное великолѣпіе Кони Айланда. И какъ только человѣкъ встанетъ передъ входомъ въ этотъ городъ огня — онъ ослѣпленъ. Въ глаза ему бросаютъ сотни тысячъ холодныхъ, бѣлыхъ искръ и онъ долго ничего не можетъ разобрать въ сверкающей пыли, вокругъ него все слито въ буйный вихрь огненной пѣны, все кружится, блеститъ и увлекаетъ. Человѣка сразу ошеломилъ, ему раз

давили этимъ блескомъ сознаніе, изгнали изъ него мысль и сдѣлали личность кускомъ толпы. Пьяно и безвольно люди идутъ куда-то среди сверканія огня, закрывающаго имъ глаза. Въ мозгъ проникаетъ матово-бѣлый туманъ, жадное ожиданіе окутываетъ душу вязкимъ пологомъ. Пораженная блескомъ толпа людей вливается чернымъ потокомъ въ неподвижное озеро свѣта, отовсюду сдавленнаго темными берегами ночи.

Вездѣ сухо и холодно сверкаютъ маленькія лампочки, онѣ прилѣплены ко всѣмъ столбамъ и стѣнамъ, къ наличникамъ оконъ, карнизамъ, онѣ тянутся ровными линіями по высокой трубѣ электрической станціи, горятъ на всѣхъ крышахъ, онѣ царапаютъ глаза людей острыми иглами безличію мертваго блеска — люди прищуриваются и, растерянно улыбаясь, медленно идутъ, влачатся по землѣ, какъ тяжелыя звенья запутанной цѣпи...

Человѣку нужно сдѣлать большое усиліе, чтобы найти себя среди толпы, подавленной удивленіемъ, въ которомъ нѣтъ восторга и радости. И кто находитъ себя, тотъ видитъ, что эти милліоны огней рождаютъ унылый, все раздѣвающій свѣтъ и, создавая намеки на возможность красоты, всюду обнажаютъ тупое, скучное безобразіе. Призрачный издали сказочный городъ встаетъ теперь, какъ нелѣпая путаница прямыхъ линій дерева, неокрашенная, дешевая постройка для забавы дѣтей, разсчетливая работа стараго педагога, котораго безпокоятъ дѣтскія шалости, и онъ желаетъ даже игрушками вос-

питывать въ дѣтяхъ покорность и смиреніе. Десятки бѣлыхъ зданій уродливо разнообразны, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ даже тѣни красоты. Они построены изъ дерева, намазаны облупившейся бѣлой краской и всѣ точно страдаютъ однообразной болѣзнью кожи. Высокія башни и низенькія колонады вытянулись въ двѣ мертвенно-ровныя линіи и безвкусно тѣснятъ другъ друга. Все раздѣто, ограблено безстрастнымъ блескомъ огня; онъ — всюду, и нигдѣ нѣтъ тѣней. Каждое зданіе стоитъ точно удивленный дуракъ, широко раскрывъ ротъ, а внутри его облако дыма, рѣзкіе вопли мѣдныхъ трубъ, вой органа и темныя фигуры людей. Люди ѣдятъ, пьютъ, курятъ.

Но человѣка — не слышно. Въ воздухѣ течетъ ровной струей шипѣніе огня въ фонаряхъ, носятся лохмотья музыки, пищенское нѣніе деревянныхъ дудокъ органовъ и тонкій, непрерывный свистъ жаровенъ. Все это сливается въ назойливое гудѣніе какой-то невидимой, толстой, туго натянутой струны, и, если въ этотъ непрерывный звукъ вторгается человѣческій голосъ, онъ кажется испуганнымъ шепотомъ. Все вокругъ нагло блеститъ, обнажая свое скучное уродство...

Душу крѣпко обнимаетъ пламенное желаніе живого, краснаго, цвѣтущаго огня, чтобы онъ освободилъ людей изъ плѣна пестрой скуки, сверлящей уши и ослѣпляющей глаза... Хочется поджечь всю эту прелесть и бѣшено, весело плясать, кричать и пѣть въ буйной игрѣ разноцвѣтныхъ языковъ жи-

вою пламени, на сладострастномъ пиршествѣ уничтоженія мертваго великолѣпія духовной пищеты...

* * *

Людей въ плѣну этого города — дѣйствительно сотни тысячъ. На всей его огромной площади, тѣсно застроенной бѣлыми клѣтками, во всѣхъ залахъ зданій они толпятся, какъ тучи черныхъ мухъ. Беременныя женщины самодовольно несутъ тяжесть своихъ животовъ. Дѣти идутъ, молчаливо раскрывъ рты и ослѣпленными глазами смотрятъ вокругъ такъ напряженно и серьезно, что ихъ до боли жалко за этотъ взглядъ, питающій ихъ душу уродствомъ, которое они берутъ за красоту. Бритыя лица мужчинъ, безусыя, странно похожія другъ на друга, — солидно неподвижны. Большинство ихъ привело сюда жены и дѣтей и чувствуютъ себя благодѣтелями своихъ семействъ, которымъ они даютъ не только хлѣбъ, но и великолѣпныя зрѣлища. Имъ самимъ тоже нравится этотъ блескъ, но они слишкомъ серьезны для того, чтобы выражать свои ощущенія, поэтому они однообразно сжали тонкія губы и, прищуривъ глаза, смотрятъ исподлобья, какъ люди, которыхъ ничѣмъ не удивишь. Но подъ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ зрѣлаго опыта чувствуется напряженное желаніе извѣдать всѣ наслажденія города. И вотъ солидные люди, пренебрежительно усмѣхаясь и скрывая довольный блескъ свѣтлыхъ глазъ, садятся верхомъ на спины деревянныхъ лошадокъ и слоновъ электрической карусели, садятся и,

болтая ногами, съ трепетомъ ждутъ остраго удовольствія помчаться по рельсамъ, ухая взлетѣть вверхъ и со свистомъ опуститься внизъ. Совершивъ это трясное путешествіе, всѣ снова туго натягиваютъ кожу на лицѣ и идутъ къ другимъ наслажденіямъ...

Удовольствія безчисленны: вотъ на вершинѣ желѣзной башни медленно качаются два длинныя бѣлыя крыла, на концахъ крыльевъ висятъ клѣтки, въ клѣткахъ — люди. Когда одно изъ крыльевъ тяжело взмываетъ къ небу — лица людей въ клѣткахъ становятся тоскливо серьезны, и всѣ они одинаково напряженно и молчаливо смотрятъ круглыми глазами на землю, уходящую отъ нихъ. А въ клѣткѣ другого крыла, которое въ это время осторожно опускается внизъ — лица людей цвѣтутъ улыбками, и раздаются довольныя взвизгиванія. Этотъ звукъ странно напоминаетъ радостный визгъ щенка, когда его опустишь на полъ, подержавъ на воздухѣ за кожу шеи.

Вокругъ вершины другой башни летаютъ въ воздухѣ лодки, третья, вращаясь, двигаетъ какіе-то баллоны изъ желѣза, четвертая, пятая — всѣ онѣ двигаются, пылаютъ, зовутъ безмолвнымъ крикомъ холоднаго огня. Все качается, взвизгиваетъ, гремитъ и кружитъ головы людей, дѣлая ихъ самодовольно скучными, утомляя ихъ нервы путаницей движеній и блескомъ огня. Свѣтлые глаза становятся еще свѣтлѣе, какъ будто мозгъ блѣдиѣетъ, теряя кровь въ странной сусть бѣлаго, сверкающаго

дерева. И кажется, что скука, издыхая подъ гнетомъ отвращенія къ себѣ самой, кружится, кружится въ медленной агоніи и вовлекаетъ въ свой унылый танецъ десятки тысячъ однообразно черныхъ людей, сметая ихъ, какъ вѣтеръ соръ улицъ, въ безвольныя кучи и снова разбрасывая, и снова сметая...

* * *

Внутри зданій людей ждутъ тоже наслажденія, но они серьезны, они воспитываютъ... Здѣсь людямъ показываютъ адъ со всѣми его строгими порядками и разнообразіемъ мученій, которыя ждутъ людей, нарушающихъ святость законовъ, созданныхъ для нихъ...

Адъ сдѣланъ изъ папье-машѐ, окрашеннаго въ темнокрасный цвѣтъ, все въ немъ пропитано огнеупорнымъ составомъ и густымъ, грязнымъ запахомъ какого-то жира. Адъ очень скверно сдѣланъ, онъ способенъ вызвать отвращеніе къ себѣ даже у человѣка скромнаго и нетребовательнаго. Онъ представляетъ собой пещеру, хаотически заваленную камнями и наполненную красноватымъ сумракомъ. На одномъ изъ камней сидитъ Сатана въ красномъ трико, искажая разнообразными гримасами свое худое, коричневое лицо, и потираетъ руки, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ выгодное дѣло. Ему, должно быть, очень неудобно сидѣть — бумажный камень трещитъ и качается, но онъ будтобы не замѣчаетъ этого, наблюдая, какъ внизу у его кривыхъ ногъ черти расправляются съ грѣшниками

Вотъ дѣвушка купила новую шляпку и смотритъ на себя въ зеркало, довольная и веселая. Но сзади къ ней подкрадываются пара небольшихъ, видимо очень голодныхъ чертей, они схватываютъ ее подъ мышки, она визжитъ, но — поздно. Черти кладутъ ее въ длинный, гладкій желобъ, который круто опускается въ яму среди пещеры, изъ ямы идетъ сѣрый паръ, поднимаются языки огня, сдѣланнаго изъ красной бумаги, и дѣвушка, вмѣстѣ съ зеркаломъ и шляпой, съѣзжаетъ на спинѣ по желобу въ эту яму...

Молодой парень выпилъ стаканъ водки — черти немедленно спускаютъ и его туда-же, подъ полъ сцены.

Въ аду душно, черти мелки и слабосильны, они, видимо, страшно утомлены своей работой, ихъ раздражаетъ ея однообразіе и очевидная безполезность, поэтому они не церемонятся съ грѣшниками, бросая ихъ въ желобъ, точно полѣнья. Смотришь на нихъ, и хочется крикнуть:

— Довольно глупости! Бастуй, ребята!...

Дѣвица вытащила нѣсколько монетъ изъ кошелька своего собесѣдника, — и въ тотъ-же мигъ, шіоны — черти расправляются съ ней, къ удовольствію Сатаны, который радостно болтаетъ ногами и гнусаво хихикаетъ. Черти сердито косятся на бездѣльника и озлобленно швыряютъ въ пасть огненной ямы всѣхъ, кто случайно, по дѣлу или изъ любопытства заходитъ въ адъ...

Публика смотритъ на эти страсти молча и се-

рьезно. Въ залѣ темно. Какой-то здоровый парень съ курчавой головой и въ толстомъ пиджакѣ густымъ, угрюмымъ голосомъ говоритъ рѣчь, указывая рукой на сцену.

Въ своей рѣчи онъ утверждаетъ, что, если люди не хотятъ быть жертвами Сатаны въ красномъ трико и съ кривыми ногами, они должны знать, что нельзя цѣловать дѣвушекъ, не обвѣнчавшись съ ними, потому что отъ этого дѣвушки могутъ сдѣлаться проститутками, нельзя цѣловать молодыхъ людей безъ разрѣшенія церкви, потому что отъ этого могутъ родиться мальчики и дѣвочки; проститутки не должны воровать деньги изъ кармановъ своихъ гостей; всѣ вообще люди не должны пить вино и прочія жидкости, возбуждающія страсти; всѣ они должны посѣщать не трактиры, а церкви, это полезнѣе для души и дешевле стоитъ...

Говоритъ онъ однотонно, скучно и, должно быть, самъ не вѣритъ, что нужно жить именно такъ, какъ ему велѣли проповѣдывать.

Невольно восклицаешь по адресу хозяевъ исправительнаго увеселенія для грѣшниковъ:

— Господа! Если вы желаете, чтобы мораль дѣйствовала на душу человѣка, хотя-бы съ силою кастороваго масла, — проповѣдникамъ морали надо больше платить!

Въ заключеніе этой страшной исторіи изъ угла пещеры является до отвращенія красивый ангелъ. Онъ повѣшенъ на проволокѣ и двигается въ воз-

духѣ черезъ всю пещеру, держа въ зубахъ деревянную дудку, оклеенную золотой бумагой. Сатана, увидавъ его, ныряетъ, подобно ершу, въ яму вслѣдъ за грѣшниками, раздается трескъ, бумажные камни валятся другъ на друга, черти радостно бѣгутъ отдохнуть отъ работы, — занавѣсъ опускается. Публика встаетъ и уходитъ. Нѣкоторые осмѣливаются смѣяться, большинство людей сосредоточено. Можетъ быть они думаютъ:

— Если и въ аду такъ мерзко... пожалуй, не стоитъ грѣшить.

Идутъ дальше. Въ слѣдующемъ зданіи имъ показываютъ «Загробный міръ». Это большое учрежденіе, тоже изъ папье-машѐ, оно изображаетъ шахты, въ которыхъ безъ толку шатаются скверно одѣтыя души умершихъ. Имъ можно подмигивать, но щипать ихъ нельзя, это фактъ. Онѣ, должно быть, очень скучаютъ въ сумракѣ подземнаго лабиринта, среди шероховатыхъ стѣнъ, обливаемыя холодной струей сырого воздуха. Нѣкоторыя души скверно кашляютъ, другія молча жуютъ табакъ, сплевывая на землю желтую слюну, одна душа, прислонясь въ углу къ стѣнѣ, курила сигару...

Когда проходишь мимо нихъ, онѣ смотрятъ въ лицо безцвѣтными глазами и, плотно сжимая губы, зябко прячутъ руки въ сѣрыя складки загробныхъ лохмотьевъ. Голодны всѣ онѣ, эти бѣдныя души, и, видимо, многія изъ нихъ страдаютъ ревматизмомъ... Публика молча смотритъ на нихъ и, вдыхая сырой воздухъ, питаетъ душу свою унылой скукой,

которая гаситъ мысль, какъ мокрая, грязная тряпка, брошенная на уголь, едва тлѣющій...

Еще въ одномъ зданіи охотно показываютъ «Всемірный потопъ», который, какъ извѣстно, былъ устроенъ для наказанія людей за грѣхи...

* * *

И всѣ зрѣлища въ этомъ городѣ имѣютъ одну цѣль: показать людямъ, чѣмъ и какъ они будутъ вознаграждены за грѣхи свои послѣ смерти, научить ихъ жить на землѣ смирно и послушно законамъ...

Всюду проповѣдуется одно:

— Нельзя!

Ибо подавляющее большинство публики — рабочій народъ...

* * *

Но необходимо наживать деньги, и въ укромныхъ уголкахъ свѣтлаго города, какъ вездѣ на землѣ, развратъ презрительно смѣется надъ лицемѣріемъ и ложью. Конечно, онъ прикрытъ и, разумѣется, — онъ скученъ, онъ вѣдь тоже «для народа». Онъ организованъ, какъ выгодное предпріятіе, какъ средство вытащить заработокъ изъ кармана человѣка, и пропитанный страстью къ золоту, онъ трижды гнусенъ и противенъ въ этомъ болотѣ свѣтлой скуки...

Народъ питается имъ...

Народъ всегда вынужденъ, онъ еще ничего не

дѣлать свободно и виновать онъ только въ томъ, что онъ позволяетъ порабощать свой духъ и тѣло, только въ этомъ онъ виноватъ...

...Онъ течетъ густымъ потокомъ между двухъ линій ярко освѣщенныхъ домовъ, и дома глотаютъ его голодными пастями. Направо, его застращиваютъ ужасами вѣчныхъ мукъ, убѣждая:

— Не грѣши! Опасно!

Налѣво, въ просторномъ залѣ для танцевъ медленно кружатся женщины, и все тамъ ясно убѣждаетъ:

— Согрѣши! Пріятно...

Ослѣпленный блескомъ огней, соблазняемый дешевой, но сверкающей роскошью, пьяный отъ шума, онъ кружится въ медленной пляскѣ томящей скуки и охотно и слѣпо идетъ и налѣво, ко грѣху, и направо, въ дома, гдѣ ему проповѣдуютъ святость.

Это безвольное хожденіе съ одинаковой силой отупляетъ его и одинаково полезно и для торговцевъ моралью, и для продавцевъ разврата.

Жизнь устроена для того, чтобы народъ шесть дней работалъ, а въ седьмой грѣшилъ и платилъ за грѣхи свои, исповѣдовался и платилъ за исповѣдь, — вотъ и все!

* *
*

Шипятъ огни, подобно сотнямъ тысячъ раздраженныхъ змѣй, и темными роями мухъ безсильно и уныло жужжатъ, и медленно ворочаются люди въ сѣтяхъ сверкающей и тонкой паутины зданій.

Не торопясь, безъ смѣха и улыбокъ на гладко выбритыхъ лицахъ, они лѣниво входятъ во всѣ двери, стоятъ подолгу передъ клѣтками звѣрей, жуютъ табакъ, плюются.

Въ огромной клѣткѣ какой-то человѣкъ гоняетъ выстрѣлами изъ револьвера и безпощадными ударами тонкаго бича бенгальскихъ тигровъ. Красавцы звѣри, обезумѣвъ отъ ужаса, ослѣпленные огнями, оглушенные музыкой и выстрѣлами, бѣшено мечутся среди желѣзныхъ прутьевъ, рычатъ, хранятъ, сверкая зелеными глазами, дрожатъ ихъ губы, гнѣвно обнажая клыки зубовъ, и то одна, то другая лапа грозно взмахиваетъ въ воздухѣ. Но человѣкъ стрѣляетъ имъ прямо въ глаза, и громкій трескъ холостого патрона, рѣжущая боль ударовъ бича отталкиваетъ сильное, гибкое тѣло звѣря въ уголъ клѣтки. Весь охваченный дрожью возмущенія, гнѣвной тоской сильнаго, задыхаясь въ острыхъ мукахъ униженій, плѣнный звѣрь на секунду замираетъ въ углу и безумными глазами смотритъ, нервно двигая змѣевиднымъ хвостомъ, смотритъ...

Эластичное тѣло сжимается въ твердый комъ мускуловъ, дрожитъ, готовое взлетѣть на воздухъ, вонзить свои когти въ мясо человѣка съ бичемъ, разорвать его, уничтожить...

Вздрагиваютъ, какъ пружины, заднія ноги, вытягивается шея, въ зеленыхъ зрачкахъ вспыхиваютъ кроваво-красныя искры радости... Подстерегая, ожидая, глаза звѣря все ярче пылаютъ на его мстительномъ лицѣ...

И въ нихъ вонзаются сотнями тупыхъ уколовъ безцвѣтные, холодно ожидающіе взгляды однообразно желтыхъ лицъ за рѣшеткою клѣтки, тускло слитыхъ въ мѣдное пятно.

Странное своей мертвой неподвижностью, лицо толпы ждетъ — она тоже хочетъ крови и ждетъ ее, ждетъ не изъ мести, а изъ любопытства, какъ сытый, давно укрощенный звѣрь.

Тигръ втягиваетъ голову въ плечи, тоскливо расширяетъ глаза и волнисто, мягко подается всѣмъ тѣломъ назадъ, точно его кожу, воспламененную жаждой мести, вдругъ облили крупными каплями ледянаго дождя.

Человѣкъ бѣгаетъ по клѣткѣ, стрѣляетъ, щелкаетъ бичемъ, оретъ, какъ безумный — онъ прячетъ въ крикахъ свой жуткій страхъ передъ звѣремъ и свое рабское опасеніе не угодить животному, которое спокойно любуется прыжками человѣка и напряженно ожидаетъ рокового прыжка звѣря. Ожидаетъ — не сознавая, въ немъ проснулся и дышетъ древній инстинктъ, онъ требуетъ борьбы, онъ хочетъ сладко вздрогнуть, когда два тѣла обовьются одно съ другимъ, брызнетъ кровь, и на полъ клѣтки полетитъ, дымясь, разорванное мясо человѣка, раздастся ревъ и крикъ...

Но мозгъ животнаго уже пропитанъ ядами разныхъ запретовъ и опасеній, желая крови — толпа боится, она и хочетъ, и не хочетъ, и въ этой темной борьбѣ внутри самой себя она испытываетъ острое наслажденіе, она живетъ...

Человѣкъ напугалъ всѣхъ звѣрей, тигры мягко убѣгаютъ куда-то въ глубину клѣтки, а онъ, весь потный и довольный тѣмъ, что сегодня остался живъ, улыбается побѣлѣвшими губами, стараясь скрыть ихъ дрожь, и кланяется мѣдному лицу толпы, кланяется ей, какъ идолу.

Она мычитъ, хлопаетъ ладонями, вздыхаетъ о чемъ-то съ сожалѣніемъ, быть можетъ радуясь чему-то, и разваливается на темные куски, и расползается по вязкому болоту скуки вокругъ нея...

Насладившись картиной состязанія человѣка со звѣрями, животныя идутъ искать еще чего-нибудь забавнаго. Вотъ — циркъ. Въ центрѣ круглой арены какой-то человѣкъ подбрасываетъ длинными ногами въ воздухъ двухъ дѣтей. Дѣти мелькаютъ надъ нимъ, точно два бѣлыхъ голубя, у которыхъ сломаны крылья, порой они срываются съ его ногъ, падаютъ на землю и, опасливо взглянувъ на опрокинутое, налитое кровью лицо отца своего или хозяина, снова вертятся въ воздухѣ. Вокругъ арены сложилась толпа. Смотритъ. И, когда ребенокъ срывается съ ноги артиста, на всѣхъ лицахъ вздрагиваетъ оживленіе, точно вѣтеръ кроетъ легкой рябью сонную воду грязной лужи.

Хочется увидѣть пьянаго человѣка съ веселой рожей, который нельзя-бы, толкался, пѣлъ, оралъ, счастливый тѣмъ, что вотъ онъ пьянъ и всѣмъ добрымъ людямъ искренно желаетъ того-же...

Гремитъ музыка, разрывая воздухъ въ клочья. Оркестръ — плохъ, музыканты устали, звуки трубъ

мечутся безсвязно, какъ будто они всѣ прихрамывают, для нихъ невозможенъ плавный строй, и они бѣгутъ изломанной линіей, толкая, обгоняя, опрокидывая другъ друга. И почему-то каждый отдѣльный звукъ рисуется воображенію кускомъ жести, которому придано сходство съ лицомъ человѣка — прорѣзанъ ротъ, прорѣзаны глаза, отверстіе для носа и придѣланы длинныя бѣлыя уши. Человѣкъ, махающій палочкой надъ головами музыкантовъ, которые не смотрятъ на него, беретъ эти куски за ручки-уши и невидимо бросаетъ ихъ кверху. Они сшибаются другъ съ другомъ, воздухъ свиститъ въ щеляхъ ихъ ртовъ и — это дѣлаетъ музыку, отъ которой даже ко всѣму привыкшія лошади цирковыхъ наѣздниковъ опасливо сторонятся, нервно прядая острыми ушами, точно онѣ хотятъ вытряхнуть изъ нихъ колкіе, жестяные звуки...

Странныя фантазіи рождаетъ эта музыка нищихъ для забавы рабовъ. Хочется вырвать изъ рукъ музыканта самую большую мѣдную трубу и дуть въ нее всей силой груди, долго, громко, страшно, такъ, чтобы всѣ разбѣжались изъ плѣна, гонимые ужасомъ бѣшенаго звука...

Недалеко отъ оркестра — клѣтка съ медвѣдями; одинъ изъ нихъ, толстый, бурый, съ маленькими хитрыми глазами, стоитъ среди клѣтки и размѣренно качаетъ головой. Вѣроятно онъ думаетъ:

— Это можно принять, какъ разумное, только тогда, если мнѣ докажутъ, что все здѣсь устроено нарочно, чтобы ослѣпить, оглушить, изуродовать лю-

дей... Тогда, конечно... цѣль оправдываетъ средства... Но, если люди искренно думаютъ, что все это — забавно... я не вѣрю больше въ ихъ разумъ!...

Два другіе медвѣди сидятъ одинъ противъ другого такъ, какъ будто они играютъ въ шахматы. Четвертый озабоченно сгребаетъ солому въ уголъ клѣтки, задѣвая черными когтями за прутья. Морда у него разочаровано-спокойная. Онъ, видимо, ничего не ждетъ отъ этой жизни и намѣренъ лечь спать...

Звѣри возбуждаютъ острое вниманіе — водянистые взгляды людей неотвязно слѣдятъ за ними, какъ-будто ищутъ что-то давно позабытое въ свободныхъ и сильныхъ движеніяхъ краснаго тѣла львовъ и пантеръ. Стоя передъ клѣтками, они просовываютъ палки сквозь рѣшетку и молча испытующе тыкаютъ звѣрей въ животы, въ бока, бьютъ по лапамъ, наблюдаютъ: что будетъ?

Тѣ звѣри, которые еще не ознакомились съ характеромъ людей, сердятся на нихъ, бьютъ лапами по прутьямъ клѣтокъ и ревутъ, открывая гнѣвно дрожащія пасти. Это — нравится. Охраняемые желѣзомъ отъ ударовъ звѣря, увѣренные въ своей безопасности, люди спокойно смотрятъ въ глаза, налитые кровью, и довольно улыбаются. Но большинство звѣрей не отвѣчаютъ людямъ. Получивъ ударъ палкой или плевокъ, они медленно встаютъ и, не глядя на оскорбителя, уходятъ въ дальній уголъ клѣтки. Тамъ въ темнотѣ лежатъ сильные,

прекрасные тѣла львовъ, тигровъ, пантеръ и леопардовъ, и горятъ во тьмѣ круглые зрачки звѣрей зеленымъ огнемъ презрѣнія къ людямъ...

А люди, взглянувъ на нихъ еще разъ, идутъ прочь и говорятъ:

— Это — скучный звѣрь...

* * *

Передъ оркестромъ музыкантовъ, съ отчаяннымъ усердіемъ играющихъ у полукруглаго входа въ какую-то темную, широко разинутую пасть, внутри которой спинки стульевъ торчатъ подобно рядамъ зубовъ, — передъ музыкантами поставленъ столбъ, а на столбѣ, привязанныя тонкой цѣпью, двѣ обезьяны — мать и ребенокъ. Ребенокъ тѣсно прижался къ груди матери, скрестивъ на спинѣ ея свои длинныя тонкія руки съ крошечными пальцами, мать крѣпко обняла его одной рукой, ея другая рука сторожко вытянута впередъ, и пальцы на ней нервно скрючены, готовые схватить, царапнуть, ударить. Глаза матери напряженно расширены, въ нихъ ясно видно безсильное отчаяніе, острая боль ожиданія неустранимой обиды, утомленная злоба и тоска... Ребенокъ прильнулъ щекой къ ея груди и искоса, съ холоднымъ ужасомъ въ глазахъ, смотритъ на людей, неподвижно, безнадежно — онъ, видимо, былъ наполненъ страхомъ въ первый день жизни, и страхъ заледенѣлъ въ немъ на всѣ дни ея. Оскаливъ мелкіе бѣлые зубы, его мать, ни на секунду не отрывая руки, обнимающей

родное тѣло, другой рукой все время непрерывно отбиваетъ протянутые къ ней палки, зонтики, руки зрителей ея муки.

Ихъ много. Все это бѣлокожіе дикари, мужчины и женщины, въ котелкахъ и шляпахъ съ перьями, и всѣмъ имъ ужасно забавно видѣть, какъ ловко обезьяна-мать защищаетъ свое дитя отъ ихъ ударовъ по его маленькому тѣлу...

Обезьяна быстро вертится на круглой плоскости, величиной съ тарелку, рискуетъ каждую секунду упасть подъ ноги зрителей и неутомимо отталкиваетъ все, что хочетъ прикоснуться къ ея ребенку. Порой она не успѣваетъ отбить ударъ и жалобно взвизгиваетъ. Ея рука, точно плеть, быстро вьется вокругъ, но зрителей такъ много, и каждому такъ сильно хочется щипнуть, ударить, дернуть обезьяну за хвостъ, за цѣпь на шеѣ. Она — не успѣваетъ. И ея глаза безсмысленно моргаютъ, около рта являются лучистыя морщины скорби и боли.

Руки ея ребенка давятъ ей грудь, онъ такъ крѣпко прижался, что его рукъ почти не видно въ тонкой шерсти на кожѣ матери. Онъ неподвижно замеръ и глаза его, не отрываясь, смотрятъ на желтыя пятна лицъ вокругъ него и въ тусклые глаза людей, которымъ его ужасъ передъ ними даетъ маленькое удовольствіе...

Порой одинъ изъ музыкантовъ наводитъ мѣдный, глупый зѣвъ своей трубы на обезьяну и обливаетъ ее трескучимъ звукомъ — она сжимается,

скалитъ зубы и смотритъ на музыканта острымъ взглядомъ...

Публика смѣется, одобрительно киваетъ музыканту головами. Онъ доволенъ и спустя минуту повторяетъ свою выходку...

Среди зрителей есть женщины, вѣроятно, нѣкоторыя изъ нихъ — матери... Но никто не произноситъ ни слова противъ злой забавы. Всѣ довольны ею...

Иная пара глазъ готова даже лопнуть отъ напряженія, съ которымъ она любуется муками матери и дикимъ ужасомъ ребенка.

Человѣка воспитываютъ страхомъ, поэтому онъ тоже старается внушить страхъ къ себѣ. И возбуждаетъ только отвращеніе, несчастный!

Эта пытка продолжается весь длинный вечеръ и часть ночи.

Рядомъ съ оркестромъ клѣтка слона. Это пожилой господинъ, съ вытертой и лоснящейся кожей на головѣ. Просунувъ хоботъ сквозь прутья клѣтки, онъ солидно покачиваетъ имъ, наблюдая за публикой. И думаетъ, какъ доброе и разумное животное:

— Конечно, эта сволочь, сметённая сюда грязной метлой скуки, способна издѣваться и надъ пророками своими... какъ слышалъ я отъ стариковъ-слоновъ. Но — все-таки — мнѣ жалко обезьяну... Я слышалъ также, что люди, какъ шакалы и гіены, норою разрываютъ другъ друга... но обезьянѣ-то отъ этого не легче... нѣтъ, не легче...

...Смотришь на эту пару глазъ, въ которой

дрожитъ скорбь матери, безсильной защитить свое дитя, и на глаза ребенка, въ которыхъ неподвижно застылъ глубокій, холодный ужасъ передъ человѣкомъ, смотришь на людей, способныхъ забавляться мученіями живого существа, и, обращаясь къ обезьянѣ, говоришь про себя:

— Животное! Прости имъ! Со временемъ они будутъ лучше...

Конечно это смѣшно и глупо. И безполезно. Едва-ли можетъ быть такая мать, которая могла-бы простить мученія своего ребенка, я думаю даже среди собакъ нѣтъ такой матери...

Развѣ только свиньи...

* *
*

Да...

Такъ вотъ — когда приходитъ ночь, — на океанѣ внезапно вспыхиваетъ прозрачный, волшебный городъ, весь изъ огней. Онъ — не сгорая — долго горитъ на темномъ фонѣ неба ночи, отражая свою красоту въ широкомъ блескѣ волнъ океана.

Въ блестящей паутинѣ его прозрачныхъ зданій, подобно вшамъ въ лохмотьяхъ нищаго, скучно ползаютъ десятки тысячъ сѣрыхъ людей съ безцвѣтными глазами.

Жадные и подлые — показываютъ имъ отвратительную наготу своей лжи и наивность своей хитрости, лицемѣріе свое и ненасытную силу жадности своей. Холодный блескъ мертваго огня въ

БИБЛИОТЕКА
Об-ва ... Т.Д.У. ... 49

всемъ оголитъ скудоуміе и оно, торжественно блистая, почіетъ на всемъ вокругъ людей...

Но люди тщательно ослѣплены и съ восхищеніемъ молча пьютъ дряянoй ядъ, отравляющій ихъ души.

Въ лѣнивомъ танцѣ медленно кружится скука, издыхающая въ агоніи своего безсилія.

Только одно хорошо въ свѣтломъ городѣ — въ немъ можно на всю жизнь напоить душу свою ненавистью къ силѣ глупости...

„Mob“

...Окно моей комнаты выходитъ на площадь, пять улицъ цѣлый день высыпаютъ на нее людей, точно картофель изъ мѣшковъ, сѣрые люди толпятся, бѣгутъ, и снова улицы втягиваютъ ихъ въ свои пищеводы. Площадь кругла и грязна, какъ сковорода, на которой жарили мясо и никогда еще не чистили ее. Четыре линіи трамвая выбѣгаютъ на этотъ тѣсный кругъ и почти каждую минуту скользятъ по рельсамъ, рѣзко взвизгивая на закругленіяхъ, вагоны, набитые людьми. Они разбрасываютъ на своемъ пути тревожно торопливый грохотъ желѣза, надъ ними и подъ колесами у нихъ раздраженно гудитъ электричество. Въ пыльномъ воздухѣ носѣлна болѣзненная дрожь стеколъ въ окнахъ, визгливый крикъ тренія колесъ о рельсы. Непрерывно воетъ проклятая музыка города — дикая схватка грубыхъ звуковъ, которые рѣжутъ, душатъ другъ друга и вызываютъ страшную и мрачную фантазію.

...Толпа какихъ-то бѣшеныхъ уродовъ, вооруженная огромными клещами, ножами, пилами и всѣмъ, что можно сдѣлать изъ желѣза, свилась въ клубокъ червей, въ темный вихрь безумія надъ тѣ-

ломъ женщины, которою она схватила жадными руками, свалила на землю, въ грязь, въ пыль и — рветъ ей груди, рѣжетъ мясо, пьетъ кровь, насилуетъ и слѣпо, голодно, неустанно дерется надъ ней и за нее.

Кто эта женщина — не видно, она завалена, покрыта огромной, желто-грязной кучей людей, которые впились въ нее со всѣхъ сторонъ, припали къ ней, костлявыми тѣлами прилѣпились всюду, гдѣ нашлось мѣсто для жадныхъ губъ, и сосутъ ея соки изъ каждой поры тѣла... Охваченные голодной, неутомимой жадностью, они отбрасываютъ другъ друга прочь отъ своей добычи, бьютъ, топчутъ, дробятъ кости, уничтожаютъ одинъ другого. Всѣмъ хочется какъ можно больше, и всѣ дрожатъ въ горячкѣ острой боязни остаться безъ куска. Скрежещутъ ихъ зубы, стучитъ желѣзо въ ихъ рукахъ, стоны боли, вопли жадности, крики разочарованія, ревъ голоднаго гнѣва, — все это сливается въ похоронный вой надъ трупомъ убитой добычи, разорванной, изнасилованной тысячами насилій, испачканной всей разноцвѣтной грязью земли.

И съ этимъ диким воемъ сливается въ одну волну жалкая скорбь побѣжденныхъ, которые отброшены въ сторону и голодно, противно плачутъ тамъ о счастьи сытости, бороться за него они не могутъ, трусливые и слабые.

Вотъ, что рисуетъ музыка города.

* *
*

Воскресенье. Люди не работаютъ.

Поэтому на многихъ лицахъ замѣтно унылое недоумѣніе, почти тревога. Вчерашній день имѣлъ простой, опредѣленный смыслъ — съ утра до вечера работали. Въ обычный часъ проснулись, пошли на фабрику, въ конторы, на улицы. Стояли и сидѣли на привычныхъ и потому удобныхъ мѣстахъ. Считали деньги, продавали, рыли землю, рубили дерево, тесали камни, сверлили и ковали и вообще, — какъ нужно человѣку, — работали руками весь день. Привычно усталые легли спать, а сегодня проснулись и, вотъ, — праздность вопросительно смотритъ въ глаза, требуя, чтобы пустота ея была чѣмъ-то наполнена.

Научивъ людей работать, ихъ не учили жить, и потому день отдыха является для нихъ труднымъ днемъ. Орудія, вполнѣ способныя создать машины, храмы, огромныя суда и мелкія, красивыя вещицы изъ золота, они не чувствуютъ себя способными наполнить день чѣмъ-либо инымъ, кромѣ привычной, механической работы. Куски и части — они спокойны и чувствуютъ себя людьми на фабрикахъ, въ конторахъ, въ магазинахъ, гдѣ они слагаются съ подобными себѣ частями въ цѣльный, стройный организмъ, торопливо творящій цѣнности изъ живого сока нервовъ своихъ, но — не для себя.

Шесть дней недѣли жизнь проста, она — огромная машина, всѣ люди — ея части, и каждый знаетъ свое мѣсто въ ней, каждый думаетъ, что ему знакомо и понятно ея слѣпое, гряз-

ное лицо — его лицо. Въ седьмой-же день, день отдыха и праздности — жизнь встаетъ передъ людьми въ страшномъ, разобранномъ видѣ, у нея ломается лицо, — она его теряетъ...

Всѣ люди разбрелись по улицамъ, сидятъ въ трактирахъ, въ паркѣ, были въ церкви, стоятъ на углахъ... Какъ всегда есть движеніе, но кажется, что оно черезъ минуту или черезъ часъ остановится передъ чѣмъ-то, чего-то не хватаетъ въ жизни и что-то новое хочетъ явиться въ ней. Никто не сознаетъ своего ощущенія, никто не можетъ выразить его словами, но всѣ тягостно чувствуютъ что-то непривычное, тревожное. Изъ жизни вдругъ вынали всѣ ея мелкіе, понятные смыслы, точно зубы изъ десенъ старухи...

Люди ходятъ по улицамъ, садятся въ вагоны, разговариваютъ, всѣ они наружно спокойны, обычно понятны другъ другу — воскресенье бываетъ пятьдесятъ два раза въ году, они уже выработали себѣ привычку проводить его одно, какъ другое. Но каждый чувствуетъ, что онъ не тотъ, какимъ былъ вчера, и его товарищъ тоже не таковъ, гдѣ-то внутри колышется сосущая пустота, и, возможно, что въ ней вдругъ нѣчто прозвучитъ непонятное, безпокойное, можетъ быть, страшное...

Это — въ каждой груди. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ возможность вопроса, и эта возможность вызываетъ у него инстинктивное желаніе избѣжать встрѣчи съ ней...

Невольно люди жмутся одинъ къ другому, сли-

ваются въ группы, молча стоятъ на углахъ улицъ, смотрятъ на все вокругъ, къ нимъ подходятъ еще и еще живые куски, и привычное стремленіе частей къ созданію цѣлаго — создаетъ толпу.

* * *

...Изъ глубокихъ желобовъ улицъ каждую секунду на площадь высыпаются существа на двухъ ногахъ, какъ будто гдѣ-то тамъ, внутри безграничнаго города, все время идетъ неустанная работа дробленія огромнаго тѣла, а сюда отлетаютъ и падаютъ куски разорваннаго цѣлаго, которымъ поспѣшно и небрежно приданъ наружный видъ людей.

Всѣ эти существа наружно похожи другъ на друга, всѣ они приняли безличный видъ и одинаково независимо у большинства изъ нихъ руки сунуты глубоко въ карманы. Спокойныя лица и очень свѣтлые глаза. Идутъ они не торопясь, смотрятъ на все безразлично, говорятъ мало, неохотно. Всѣ обособлены, каждый — самъ для себя...

Но въ этой спокойной праздности есть что-то подчеркнутое, она не кажется искренней, когда присмотришься къ ней. Лѣнь походки искусственна, — такъ двигаются люди, когда они боятся что-то потревожить, такъ они ходятъ, когда подкрадываются. Въ безличныхъ взглядахъ свѣтлыхъ глазъ замѣтна тѣнь тревоги, какъ-будто каждый ожидаетъ увидѣть нѣчто пугающее...

Ихъ обособленность — это одиночество разрозненныхъ частей разобранной машины. Каждая

изъ этихъ частей несетъ въ себѣ смутное ощущеніе потери смысла жизни и смутную боязнь найти въ ней новый смыслъ, который потребуетъ созданія другихъ привычекъ. Новое всегда враждебно и непріятно людямъ, какъ это знаютъ всѣ, кто пытался ввести его въ жизнь. Новое полезно взять для жизни тогда, когда сотрутся и погаснутъ его сверкающія грани, когда оно будетъ плоскимъ и удобно, какъ все плоское, ляжетъ рядомъ со старымъ. Но въ часъ, когда оно родится и, подобно первому лучу разсвѣта, тревожитъ острымъ блескомъ сонъ людей — они инстинктивно отвертываются отъ него, чтобы еще немного жизни отдать привычному темному покою...

...Люди молча и не спѣша слагаются одинъ съ другимъ — ихъ стягиваетъ въ кучу, точно сила магнита опилки желѣза, общее всѣмъ ощущеніе тревожной пустоты въ груди, жуткое, темное ожиданіе опасности. Почти не глядя другъ на друга, они становятся плечомъ къ плечу, сдвигаются все тѣснѣе, и вотъ — въ углу площади образовалось плотное, черное тѣло со множествомъ головъ. Угрюмо молчаливое, выжидательно напряженное, оно почти неподвижно. Сложилось тѣло, и тотчасъ быстро возникаетъ духъ, образуется широкое, тусклое лицо, и сотни пустыхъ глазъ принимаютъ единое выраженіе, смотрятъ однимъ взглядомъ — подозрительно ожидающимъ взглядомъ, который безсознательно ищетъ нѣчто, о чемъ пугливо и чуть слышно доноситъ инстинктъ.

Такъ рождается то странное животное, которое носитъ тупое имя „Mob“, — толпа.

...Когда по улицѣ проходитъ нѣкто, чѣмъ-либо непохожій на людей, одѣтый какъ-то иначе или идущій слишкомъ быстро для обыкновеннаго человѣка — „Mob“ слѣдитъ за нимъ, повертывая въ его сторону сотни своихъ головъ и щупая его разсѣяннымъ, всеобнимающимъ взглядомъ.

Почему онъ не одѣвается какъ всѣ? Это подозрительно. И что могло заставить его идти такъ быстро по этой улицѣ въ день, когда всѣ ходятъ медленно? Это странно...

Идутъ двое молодыхъ людей и громко смѣются. „Mob“ напрягаетъ вниманіе. Надъ чѣмъ смѣяться въ этой жизни, гдѣ все такъ непонятно, когда нѣтъ работы? И этотъ смѣхъ вызываетъ въ животномъ легкое раздраженіе, враждебное веселью. Нѣсколько головъ угрюмо поворачиваются во слѣдъ весельчакамъ, ворчатъ...

Но „Mob“ сама смѣется, когда она видитъ, какъ на площади торговецъ газетами мечется среди вагоновъ трамвая, съ трехъ сторонъ набѣгающихъ на него, грозя раздавить. Испугъ человѣка, которому грозитъ смерть, понятенъ ей, а все, что она понимаетъ въ таинственной суетѣ жизни, радуетъ ее...

Вотъ ѣдетъ на автомобилѣ извѣстный всему городу и даже всей странѣ — хозяинъ. „Mob“ смотритъ на него съ глубокимъ интересомъ, она сливаетъ свои глаза въ одинъ лучъ, освѣщающій сухое,

костлявое и желтое лицо хозяина тусклымъ блескомъ уваженія къ нему. Такъ смотрятъ старые, еще въ дѣтствѣ укрощенные медвѣди, на своего укротителя. „Mob“ понимаетъ хозяина — это сила. Это великій человѣкъ — тысячи работаютъ для того, чтобы онъ жилъ, тысячи! Въ хозяинѣ для „Mob“ есть совершенно ясный смыслъ, — хозяинъ дастъ работу. Но вотъ — въ вагонѣ трамвая сидитъ сѣдой человѣкъ, у него суровое лицо и строгіе глаза. „Mob“ тоже знаетъ, кто онъ, о немъ часто пишутъ въ газетахъ, какъ о сумасшедшемъ, который хочетъ разрушить государство, отнять всѣ фабрики, желѣзныя дороги, суда, — все отнять... Газеты говорятъ, что это — безумная и смѣшная затѣя. Толпа смотритъ на старика съ укоромъ, съ холоднымъ осужденіемъ, съ пренебрежительнымъ любопытствомъ. Сумасшедшій — это всегда любопытно, потому что безсмысліе его поступокъ совершенно ясно, ничто не затемняетъ его.

„Mob“ только ощущаетъ, она только видитъ. Она не можетъ претворять своихъ впечатлѣній въ мысли, душа ея — нѣма и сердце — слѣпо.

...Люди идутъ, идутъ одинъ за другимъ и непонятно, страшно необъяснимо — куда, зачѣмъ они идутъ? Ихъ страшно много и они разнообразны гораздо болѣе, чѣмъ куски желѣза, дерева, камня, разнообразнѣе монетъ, матерій, и всѣхъ орудій, — которыми работало вчера животное. Это раздражаетъ „Mob“. Она смутно чувствуетъ, что есть другая жизнь, построенная иначе чѣмъ ея, съ другими

привычками, жизнь, полная чѣмъ-то заманчиво-неизвѣстнымъ...

Подозрительное ожиданіе опасности медленно питается чувствомъ раздраженія, тонкими иглами царапающаго слѣпое сердце животнаго. Его глаза становятся темнѣе и плотное безформенное тѣло замѣтно напрягается, вздрагиваетъ, обнимаемое безсознательнымъ волненіемъ...

Мелькаютъ мимо глазъ люди, летятъ вагоны, автомобили... Въ окнахъ магазиновъ дразнятъ взглядъ какія-то блестящія вещи. Ихъ назначеніе неизвѣстно, но онѣ тянутъ къ себѣ вниманіе, вызываютъ желаніе обладать ими...

„Mob“ волнуется...

Она смутно чувствуетъ себя одинокой въ этой жизни, одинокой и отрицаемой всѣми нарядными людьми. Она замѣчаетъ, какъ чисто вымыты ихъ шеи, какъ тонки и бѣлы руки, лица ихъ лоснятся и блестятъ спокойной сытостью — невольно представляется пища, которую пожираютъ эти люди каждый день. Должно быть, это удивительно вкусныя вещи, если отъ нихъ такъ хорошо блеститъ кожа и такъ кругло́ — красиво выростаютъ животы...

„Mob“ чувствуетъ во чревѣ своемъ зависть, которая остро́ щекочетъ ей желудокъ...

Въ дорогихъ и легкихъ коляскахъ ѣдутъ красивыя, гибкія женщины. Онѣ вызывающе лежатъ на подушкахъ, вытянувъ маленькія ноги, лица ихъ

горятъ какъ звѣзды, и довольные, прекрасные глаза зовутъ всѣхъ людей улыбнуться.

— Смотрите, какъ мы прекрасны! — молча разсказываютъ женщины.

Толпа внимательно смотритъ и сравниваетъ этихъ женщинъ со своими женами. Очень костлявыя или слишкомъ толстыя, жены всегда жадны и часто хвораютъ. У нихъ особенно часто болятъ зубы и разстраиваются желудки. И постоянно ругаются онѣ одна съ другой, если мужа нѣтъ...

„Mob“ чувственно раздѣваетъ женщинъ въ колясках, щупаетъ ихъ груди, ноги... И, представляя нагое, сытое, упругое, сверкающее тѣло женщинъ, — „Mob“ не можетъ сдержать острое чувство восхищенія, она вслухъ обмѣнивается сама съ собой словами, отъ которыхъ пахнетъ горячимъ, жирнымъ потомъ, словами, краткими и сильными, какъ пощечина тяжелой, грязной руки...

„Mob“ хочетъ женщину. Ея глаза горятъ, жадно обнимая мелькающія мимо тонкія, крѣпкія тѣла красавицъ.

Сверкаютъ дѣти, звучитъ ихъ смѣхъ и крики. Чисто одѣтыя, здоровыя дѣти, на прямыхъ и стройныхъ ногахъ. Розовощекія они, веселыя...

Дѣти „Mob“ худосочны, желты, ноги у нихъ, почему-то, кривыя. Это очень часто — кривыя ноги у дѣтей. Должно быть тутъ виноваты матери, онѣ что-нибудь дѣлаютъ не такъ, когда родятъ...

Сравненія рождаютъ зависть въ темномъ сердцѣ „Mob“.

Теперь къ раздраженію толпы примѣшивается враждебность, которая всегда пышно растетъ на плодородной почвѣ зависти. Черное, огромное тѣло неуклюже двигаетъ своими частями, сотни глазъ внимательно и колко встрѣчаютъ все, что незнакомо и непонятно имъ.

„Mob“ чувствуетъ, что у нея есть врагъ, хитрый, сильный, разсѣянный повсюду и потому неуловимый. Онъ гдѣ-то близко и — нигдѣ. Онъ забралъ себѣ всѣ вкусныя вещи, красивыхъ женщинъ, розовыхъ дѣтей, коляски, яркія шелковыя ткани и раздаетъ все это кому хочетъ, но — не „Mob“. Ее онъ презираетъ, отрицаетъ и не видитъ, какъ и она его...

„Mob“ ищетъ, нюхаетъ, слѣдитъ за всѣмъ. Но все обычно, и, хотя въ жизни улицъ есть много новаго, невѣдомаго ей, оно течетъ, мелькаетъ мимо, не задѣвая туго натянутыхъ струнъ ея враждебности, неяснаго желанія поймать кого-то и раздавить.

Посреди площади стоитъ полицейскій въ сѣрой шляпѣ. Его бритое лицо блеститъ точно мѣдное. Оно страшно спокойно, этотъ большой человѣкъ непобѣдимо силенъ, потому что у него въ рукахъ короткая, толстая палка.

„Mob“ искоса поглядываетъ на эту палку въ рукѣ человѣка съ мѣднымъ лицомъ... Она знаетъ палки, она видѣла ихъ сотни тысячъ, и всѣ онѣ — просто дерево или желѣзо.

Но въ этой — короткой и тупой — сокрыта

дьявольская сила, противъ которой нельзя идти, невозможно.

„Mob“ глухо и слѣпо враждебна всему, она волнуется, она готова на что-то страшное... И невольно мѣряетъ глазами короткую, тупую палку...

Въ темномъ хламѣ безсознательнаго всегда тлѣетъ страхъ...

* *
*

Жизнь непрерывно реветъ, неустанная въ своемъ движеніи. Откуда въ ней эта энергія, когда „Mob“ не работаетъ?

И все съ большей ясностью толпа чувствуетъ свое одиночество, ощущаетъ какой-то обманъ и, все болѣе раздражаясь, зорко ищетъ, на что-бы положить свою руку.

Она становится теперь чуткой и воспріимчивой — ничто новое для нея не проходитъ мимо незамѣченное ею. Она теперь осмѣиваетъ рѣзко и зло, и человѣкъ въ слишкомъ широкой сѣрой шляпѣ долженъ ускорить шаги подъ насмѣшливыми уколами ея взглядовъ и бичами ея восклицаній. Женщина, переходя площадь, чуть-чуть подняла юбки, но увидавъ, какими глазами толпа смотритъ на ея ноги, тотчасъ-же, какъ-будто ее ударили по рукѣ, расправила пальцы, державшіе матерію...

На площадь откуда-то вываливается пьяный. Онъ идетъ опустивъ голову на грудь, бормочетъ что-то, и его тѣло, размытое виномъ, безсильно ка-

чается, готовое каждую секунду упасть, разбиться о мостовую, о рельсы...

Онъ сунулъ одну руку въ карманъ, въ другой у него измятая, пыльная шляпа, онъ размахиваетъ ею и ничего не видитъ.

На площади, попадая въ дикій вихрь металлическихъ звуковъ, онъ немного приходитъ въ себя, останавливается и смотритъ вокругъ влажными, туманными глазами. Со всѣхъ сторонъ на него летятъ вагоны, коляски, двигается какая-то длинная нить, на которой нанизаны темныя бусы. Раздражительно звонятъ колокольчики вагоновъ, предупреждая его, цокаютъ подковы лошадей, все гудитъ, гремитъ, лѣзетъ на него.

„Mob“ чувствуетъ возможность чего-то, что, можетъ быть, немного развлечетъ ее. Она снова сливаетъ сотни своихъ взглядовъ въ одинъ лучъ и слѣдитъ, ждетъ...

Кондукторъ вагона звонитъ и оретъ пьяному, онъ перегнулся черезъ перила, лицо его красно отъ крика — пьяный дружески машетъ ему шляпой и шагаетъ на рельсы подъ вагонъ. Откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, закрывъ глаза, кондукторъ съ силою поворачиваетъ ручку, вагонъ весь вздрагиваетъ и съ трескомъ останавливается...

Пьяный шагаетъ дальше — онъ надѣлъ шляпу на голову и снова наклонилъ лицо къ землѣ.

Но изъ-за перваго вагона не торопясь выскальзываетъ другой и подшибаетъ ноги пьянаго, онъ грузно валится сначала въ сѣтку, потомъ мягко

падаетъ съ нея на рельсы, и сѣтка толкаетъ, везетъ его скомканное тѣло по землѣ...

Видно, какъ хлопаютъ по землѣ руки и ноги пьянаго... Красно и тонко улыбнулась кровь, точно подманивая къ себѣ кого-то...

Раздастся рѣзкій визгъ женщинъ въ вагонѣ — но всѣ звуки тотчасъ гаснутъ въ густомъ, торжествующемъ воплѣ „Mob“ — точно на нихъ вдругъ кинули тяжелое покрывало, влажное и давящее. Тревожный звонъ колокольчиковъ, удары копытъ, вой электричества, все сразу задушено ужасомъ передъ черной волной, волной толпы, которая съ животнымъ ревомъ бросилась впередъ, ударилась о вагоны, облила, захлестнула ихъ темными брызгами и начала работать.

Пугливо и кратко вздрагиваютъ разбиваемыя стекла въ окнахъ вагона. Ничего не видно, только бьется и трепещетъ огромное тѣло „Mob“ и ничего не слышно кромѣ ея вопля, возбужденнаго крика, которымъ она радостно возвѣщаетъ всей жизни о себѣ, о своей силѣ, о томъ, что, наконецъ, и она тоже нашла свое мѣсто и дѣло.

Въ воздухѣ мелькаютъ сотни большихъ рукъ, блестятъ десятки глазъ жаднымъ блескомъ страшнаго, остраго голода.

Кого-то бьетъ она, черная „Mob“, кого-то разрываетъ, кому-то мститъ...

Изъ бури ея слитыхъ криковъ все чаще раздается, сверкаетъ, точно длинный, гибкій ножъ, шипящее слово:

— Линчъ!

Оно имѣетъ магическую силу объединять всѣ смутныя желанія „Mob“, оно все гуще сливаетъ въ себѣ ея крики:

— Линчъ!

Нѣсколько частей толпы вскинулись на крыши вагона и оттуда тоже вьется по воздуху, свистя какъ бичъ, и мягко извивалсь:

— Линчъ!

* *
*

Вотъ въ центрѣ ея образовалось плотное ядро, оно поглотило, всосало что-то въ себя и двигается, вытекаетъ изъ толпы... Ея густое тѣло послушно раздается передъ напоромъ изъ центра и, постепенно разрываясь, выдвигаетъ изъ нѣдръ своихъ этотъ плотный, черный комъ — свою голову, свою пасть.

Въ зубахъ этой пасти качается оборванный, окровавленный человѣкъ — онъ былъ кондукторомъ вагона, какъ это видно по нашивкамъ на его лохмотьяхъ.

Теперь онъ — кусокъ изжеванаго мяса, — свѣжаго мяса, вызывающе вкусно облитаго яркой кровью.

Черная пасть толпы несетъ его и продолжаетъ жевать, и руки ея, точно щупальцы спрута, обвиваютъ это тѣло безъ лица.

„Mob“ воетъ:

— Линчъ!

И слагается за головой своей въ длинное, плотное туловище, готовое проглотить множество свѣжаго мяса.

Но вдругъ откуда-то передъ нею встаетъ бритый человѣкъ съ мѣднымъ лицомъ. Онъ надвинулъ свою сѣрую шляпу на глаза, всталъ, точно сѣрый камень, на дорогѣ толпы и молча поднялъ въ воздухъ свою палку.

Голова толпы пошатнулась вправо, влѣво, желая ускользнуть отъ этой палки, обойти ее.

Полицейскій неподвиженъ, палка въ рукѣ его не вздрагиваетъ, и не мигаютъ его спокойные, твердые глаза.

Эта увѣренность въ своей силѣ сразу вѣетъ холодомъ въ горячее лицо „Mob“.

Если человѣкъ одинъ встаетъ на ея дорогѣ, одинъ, противъ ея желанія, тяжелаго и сильнаго, какъ лава, если онъ такъ спокоенъ — значитъ, онъ непобѣдимъ!...

Она что-то кричитъ ему въ лицо, размахиваетъ щупальцами, какъ будто хочетъ обнять ими широкія плечи полицейскаго, но уже въ ея крикѣ, хотя и раздраженномъ, звучитъ нѣчто жалобное. И когда мѣдное лицо полицейскаго тускло темнѣетъ, когда его рука еще выше поднимаетъ короткую, тупую палку — рёвъ толпы начинаетъ странно прерываться, и туловище ея постепенно, медленно разваливается, хотя голова „Mob“ все еще споритъ, мотается изъ стороны въ сторону, хочетъ ползти дальше.

Вотъ идутъ не торопясь еще двое людей съ палками. Щупальцы „Mob“ безсильно выпускаютъ охваченное ими тѣло, оно падаетъ на колѣни, раскидываясь у ногъ представителя закона, и онъ простираетъ надъ нимъ короткій и тупой символъ своей власти...

Голова „Mob“ тоже медленно распадается на части — туловища у нея уже нѣтъ — по площади устало и подавленно расползаются темныя фигуры людей, — точно черныя бусы огромнаго ожерелья разсыпались по ея грязному кругу.

Въ желоба улицъ молча и угрюмо идутъ раз рванные, разрозненные люди...

Чарли Мэнъ.

...Въ округѣ появился медвѣдь.

Дѣти первыя замѣтили его — однажды вечеромъ они играли въ мячъ около лѣса, вдругъ онъ явился на опушкѣ среди деревьевъ, поднялъ голову и, нюхая воздухъ, тихо заворчалъ. Испуганные ребята бросились въ деревню, но взрослые не повѣрили имъ, это было въ началѣ Августа — не время для того, чтобы медвѣди шлялись около деревни.

Но черезъ нѣсколько дней звѣрь явился снова — онъ выскочилъ изъ лѣса какъ разъ въ то время, когда почтальонъ Фёрстеръ ѣхалъ въ деревню съ почтой. Лошадь Фёрстера испугалась, понесла, и почтальонъ, выброшенный на землю, сломалъ себѣ ногу. Это уже было нѣчто реальное, но и это не нарушало прямыхъ интересовъ деревни, — почту собрали, ничто не было потеряно, о медвѣдѣ снова забыли...

И только когда звѣрь задавилъ корову Круксовъ, старшій Крукъ, рыжій Джэкъ — отправился къ Чарли Мэну.

Мэнъ сидѣлъ на крыльцѣ и чинилъ капканъ для лисъ, когда Джэкъ пришелъ къ нему.

— Добрый день, Чарли Мэнъ! — сказалъ Джэкъ, садясь на ступеньку, рядомъ съ охотникомъ.

Мэнъ прищурилъ глаза, подумалъ и отвѣтилъ:

— Добрый день.

— Вы слышали о медвѣдѣ? — спросилъ Круксъ, приступая прямо къ дѣлу.

Чарли Мэнъ, какъ всякій серьезный человѣкъ, никогда не отвѣчаетъ, не подумавъ. Съ минуту онъ молча скрипѣлъ подпилкомъ, очищая ржавчину на желѣзѣ капкана, потомъ поднялъ голову и тоже спросилъ:

— Вы хотите знать, Джэкъ Круксъ, слышалъ-ли я о медвѣдѣ?

— Именно это хотѣлъ-бы я знать! — согласился Круксъ.

Чарли Мэнъ отложилъ подпилокъ въ сторону, подавилъ пальцами пружину капкана, подулъ на нее и сталъ смачивать масломъ изъ маленькой, грязной бутылки.

— Онъ не часто бреется! — подумалъ Круксъ, разсматривая сѣдую щетину на костлявой щекѣ Чарли.

— Да, я слышалъ о немъ кое-что! — отвѣтилъ Мэнъ, кивая головой.

Его сѣрые глаза снисходительно пошевелились въ орбитахъ, и онъ добавилъ медленно:

— Люди много говорятъ и всегда что-нибудь слышишь...

— А какъ вы думаете объ этомъ, Чарли Мэнъ? — спросилъ рыжій Джэкъ. Этотъ парень не лю-

бить терять время даромъ, онъ ходитъ всегда по прямой линіи.

Мэнъ смазалъ пружину канкана, еще разъ подулъ на нее и, положивъ машину на колѣни, спокойно сталъ смотрѣть черезъ желтую равнину поля въ далекій лѣсъ. Наконецъ онъ отвѣтилъ, не двигая мускулами лица:

— Въ Августѣ — я ничего не думаю о медвѣдяхъ.

— Я увѣренъ, что у васъ есть на это хорошія основанія! — сказалъ Круксъ. — Но, мнѣ кажется, вы могли-бы сдѣлать недурное для васъ дѣло, подстрѣливъ его, э? Я, вы знаете, не охотникъ, да и нѣтъ времени ходить за нимъ... Кромѣ васъ никто не можетъ убить звѣря... Это всѣ знаютъ.

Чарли Мэнъ всталъ и выпрямилъ свое длинное, сухое тѣло, крѣпко связанное упругими жилами. Онъ повернулъ опаленную солнцемъ шею вправо и влѣво и, сунувъ руки въ карманы, удивленно, кратко спросилъ:

— Теперь? Въ Августѣ?

— Да, да! — оживленно сказалъ Круксъ. — Вы видите — онъ начинаетъ портить скотъ...

Чарли Мэнъ опустилъ голову, поднялъ брови и, глядя въ лицо Джэка съ явнымъ изумленіемъ, произнесъ напоминающимъ тономъ:

— Но вѣдь у меня нѣтъ скота!

Тогда Круксъ понялъ, что такъ онъ не убѣдитъ Чарли въ необходимости убить медвѣдя. И онъ рѣшилъ подѣйствовать на воображеніе охотника.

— Это такъ, Чарли Мэнъ, у васъ нѣтъ скота! — согласился онъ, и, стараясь придать своему голосу трогательное выраженіе, продолжалъ: — Но у васъ есть мальчикъ и дѣвочка, вотъ въ чемъ дѣло. А для медвѣдя все равно — овца или ребенокъ, не такъ-ли? Онъ не разборчивъ, этотъ звѣрь... И вотъ, если вы, Чарли, подумаете о дѣтяхъ...

— Позвольте! — сказалъ Чарли, вынувъ руку изъ кармана и проводя ею по лицу.

Мэнъ плотно сжалъ губы, поднялъ плечи на высоту ушей, опустилъ ихъ и, глядя на Джэка сверху внизъ, внушительно спросилъ:

— Почему вы, Джэкъ Крукъ, думаете, что медвѣдь съѣстъ именно моихъ дѣтей прежде другихъ?

Рыжій Джэкъ былъ пораженъ простой и ясной правдой вопроса. Онъ открылъ ротъ, но почти минуту не могъ ничего сказать отъ удивленія передъ тонкимъ умомъ охотника. Онъ даже всталъ на ноги и замоталъ головой, точно быкъ, уколовшій ноздри репейникомъ. Потомъ онъ воскликнулъ:

— Ну, у васъ ясная голова, мистеръ Мэнъ, убей меня молніей, если это не правда! Въ самомъ дѣлѣ — почему именно вашихъ дѣтей прежде другихъ, э? Вотъ о чемъ я не подумалъ!

— Вы не подумали объ этомъ, дорогой Крукъ! — согласился охотникъ.

Когда рыжій Джэкъ шелъ къ Мэну, ему казалось, что все будетъ сдѣлано просто и быстро. Онъ разскажетъ Мэну о звѣрѣ, Мэнъ возьметъ ружье, пойдетъ въ лѣсъ и застрѣлитъ звѣря. Онъ охотникъ

по профессіи, ему выгодно сдѣлать это. Но оказывается, что Чарли Мэнъ имѣетъ свое отношеніе къ такой простой съ виду задачѣ. Джэкъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто онъ сбился съ дороги и не знаетъ, куда нужно повернуть, чтобы снова выйти на прямой и краткій путь.

— Да-а, — задумчиво сказалъ онъ, — вы правы, Мэнъ! Совершенно нѣтъ основаній, чтобы ваши дѣти были съѣдены первыми...

Мэнъ утвердительно кивнулъ головой. Они оба долго молчали, думая каждый о своемъ и глядя вдаль по одному направленію, туда, къ лѣсу.

Потомъ Круксу вдругъ показалось, что его голову осѣнила одна хорошая мысль. Онъ мигнулъ обоими глазами сразу и медленно, вкрадчиво заговорилъ:

— Но, Чарли, говоря вообще, всѣ дѣти очень милы и забавны, когда они играютъ внѣ дома и не больны — правда? Ваши и мои, и Джонсона, — они всѣ рискуютъ встрѣтить звѣря... Они бѣгаютъ всюду и... ихъ такъ много!

Мэнъ утвердительно кивнулъ головой и замѣтилъ:

— Да, дѣтей всегда больше, чѣмъ медвѣдей...

— Что вы хотите сказать? — помолчавъ, спросилъ Круксъ.

Чарли Мэнъ спокойно повернулъ къ нему свое красное лицо и, не двигая глазами, повторилъ:

— Я говорю — во всѣ времена года дѣтей больше, чѣмъ медвѣдей...

Рыжій Джэкъ опустилъ голову, желая понять тайный смыслъ этихъ словъ. Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Значитъ вы, Чарли, не считаете дѣло съ медвѣдемъ выгоднымъ для себя, такъ?

Чарли Мэнъ, знаменитый охотникъ въ округѣ, положилъ на плечо Джэка свою длинную, твердую, какъ желѣзо, руку, и, хотя безъ обиды, но съ упрекомъ въ голосѣ, сказалъ:

— Это нехорошо, Крукъ, съ вашей стороны считать меня идіотомъ! Мнѣ не кажется, чтобы я заслужилъ такое отношеніе.

— Меньше всего я хотѣлъ-бы оскорбить васъ, Чарли Мэнъ! — искренно и торопливо воскликнулъ Крукъ.

Мэнъ воткнулъ свои сѣрые глаза въ смущенное лицо рыжаго Джэка и закончилъ рѣчь такъ:

— Но, дорогой мой, нужно или самому быть болваномъ, или считать осломъ меня, чтобы предлагать мнѣ убить медвѣдя въ Августѣ, когда его шкура ничего не стоитъ... Гудбай, Джэкъ Крукъ!

И Чарли Мэнъ ушелъ въ домъ, оставивъ рыжаго Джэка измѣрять глубину своей глупости...

А медвѣдь послѣ того, какъ онъ сломалъ кости старухѣ Джонстонъ, собиравшей въ лѣсу ягоды, исчезъ изъ округа.

* *
*

Изумительно тонкій умъ Чарли Мэна всего ярче проявился въ знаменитой охотѣ за чернобурой ли-

сицей. Объ этой охотѣ писали во всѣхъ газетахъ штата, а одна изъ нихъ даже присылала къ Мэну репортера.

Только подробный разсказъ объ этой борьбѣ человѣческаго ума съ хитростью звѣря можетъ освѣтить фигуру Чарли Мэна.

Началось съ того, что однажды, бродя по лѣсу, Мэнъ нашелъ слѣды лисы и тотчасъ по слѣдамъ опредѣлилъ, что это именно чернобурая лиса. Онъ не хотѣлъ испортить ея дорогой мѣхъ и твердо рѣшилъ поймать звѣря капканомъ.

Раньше всего необходимо было заставить лису не ходить туда, гдѣ она привыкла пить воду и охотиться за птицей и гдѣ — Мэнъ это зналъ — она могла попасть въ капканъ другого охотника, который тоже слѣдилъ за ней.

Чарли Мэнъ нѣсколько дней не выходилъ изъ лѣса, тщательно изучая путь лисы. И когда онъ зналъ это, какъ линіи своей ладони, онъ выкопалъ изъ земли молодую ель и посадилъ ее на тропѣ звѣря, посадилъ такъ хорошо, что этого никто не могъ-бы замѣтить кромѣ лисы. Это дерево, внезапно выросшее на пути, которымъ звѣрь еще вчера прошелъ свободно, сегодня испугало лису предчувствіемъ опасности; для звѣря было ясно, что это не природа вдругъ выростила дерево, а какая-то иная сила, — природа ничего не творитъ сразу даже въ Америкѣ.

Лиса измѣнила свой путь къ ручью, чего и хотѣлъ Чарли Мэнъ. Онъ продолжалъ слѣдить за ней,

какъ тѣнь ея, какъ смерть за осужденнымъ. Высокій, тонкій и сухой, онъ дни и ночи шагалъ по лѣсу легкими, длинными ногами, не отрывая сѣрыхъ глазъ отъ земли, слѣдя за изгибами каждой былинки, замѣчая каждую вновь сломанную вѣтку и каждый слѣдъ. Онъ совершенно забылъ о всѣхъ звѣряхъ кромѣ лисы, о домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ, похудѣлъ, оборвался и такъ ходилъ полуголодный, угрюмый, почти больной отъ напряженія.

Черезъ двѣ недѣли онъ зналъ мѣсто, гдѣ лиса переходитъ ручей. Онъ взялъ камень и положилъ его въ воду ручья. Дней черезъ пять онъ положилъ другой камень, а первый покрылъ тонкимъ слоемъ моха. Еще пять дней — онъ положилъ въ воду третій камень, покрылъ мохомъ второй и добавилъ слой мха на первомъ...

Такъ незамѣтно одинъ за другимъ, онъ клалъ въ воду ручья камни и одѣвалъ ихъ мхомъ, подражая медленной работѣ природы. Онъ положилъ ихъ пять. И такъ онъ создалъ для своей лисы мостъ черезъ ручей. Она нашла его, конечно, лиса не любитъ мочить въ водѣ свои лапы, она воспользовалась работой Чарли Мэна.

Когда онъ замѣтилъ ея слѣды на мху своихъ камней, — онъ вынулъ первый изъ нихъ и поставилъ на его мѣсто капканъ, прикрытый мхомъ.

И на утро, придя къ ручью, онъ съ радостью увидѣлъ, что великолѣпный звѣрь сидитъ въ капканѣ съ перебитой лапой, оскаливъ зубы отъ нестерпимой боли въ раздробленныхъ костяхъ.

Сунувъ руки глубоко въ карманы, Чарли Мэнъ съ тихой улыбкой всталъ на берегу высокій, худой, съ краснымъ лицомъ, густо покрытымъ сѣдою щетиной. Потускнѣвшіе отъ боли глаза лисы вспыхнули краснымъ и желтымъ огнемъ, она рванулась изъ капкана, — хрустнули кости, на водѣ ручья засверкали тонкія струйки крови, звѣрь залаялъ, взвизгнулъ и замеръ...

Тогда Чарли Мэнъ подошелъ къ нему и умѣлой рукой сломалъ лисѣ позвонки шеи...

Семь недѣль онъ упорно трудился, чтобы сдѣлать это!...

* *
*

Но — недавно старый Чарли Мэнъ убилъ свою репутацію умнаго человѣка.

...Было такъ — черный ястребъ явился въ деревнѣ и сталъ таскать куръ. Его видѣли не однажды, стрѣляли въ него не разъ, но все неудачно — хищная птица невредимо улетала, спокойно раскинувъ на воздухъ широкія крылья и какъ-бы презирая вражду людей.

Но Чарли Мэнъ — онъ счастливъ, вѣренъ его глазъ, и мѣтко бьетъ ружье! — Чарли Мэнъ однажды увидалъ, какъ ястребъ, охвативъ когтями большую курицу, тяжело взмываетъ съ нею надъ деревней. Мэнъ выстрѣлилъ, птица, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, упала на землю.

Чарли поднялъ ястреба, оказалось, что дробь

оглушила птицу, но даже не ранила его. Полузакрывъ глаза, ястребъ смотрѣлъ въ лицо охотника, и брови хищника вздрагивали, когти слабо шевелились.

Велика была эта птица, велика и тяжела. Ея полузакрытые глаза смотрѣли безъ испуга, порой она вздрагивала всѣмъ тѣломъ — руки Чарли Мэна ощущали ея теплоту, слышали біеніе хищнаго сердца.

Сбѣжались дѣти, женщины и ругали гордую птицу, грозя ей кулаками, и каждый хотѣлъ нанести ей ударъ въ отмщеніе за куриц.

Жена рыжаго Джэка предложила:

— Отдайте этого разбойника дѣтямъ, Чарли Мэнъ! Они ужъ справятся съ нимъ теперь!

— Онъ можетъ выцарапать имъ глаза! — испуганно возразила другая.

Старая Клэръ, самая религіозная женщина общины, сказала своимъ голосомъ, охрипшимъ отъ молитвъ:

— Вы говорите вздоръ, дорогая Круксъ! Дѣти могутъ выпустить эту страшную птицу... и она снова начнетъ похищать нашихъ куръ... Слѣдуетъ отнестись серьезнѣе къ ней и сейчасъ-же убить ее...

И такъ какъ всѣ очень уважали Клэръ, то всѣ согласились съ необходимостью — убить...

Мэнъ снялъ свои пальцы съ шеи ястреба, спокойно и молча посмотрѣлъ на шумъ вокругъ себя, онъ посмотрѣлъ не на лица своими сѣрыми глазами,

а сквозь людей и черезъ нихъ, поэтому-то я и говорю — онъ посмотрѣлъ на шумъ. Потомъ онъ поднялъ птицу съ земли, взялъ ее подъ мышку и понесъ домой.

Сначала дѣти шумно бѣжали за нимъ, спрашивая, что онъ думаетъ сдѣлать съ ястребомъ, но онъ шагалъ, наклонивъ голову къ землѣ, по своей привычкѣ, и его неподвижное лицо, его каменное молчаніе — оттолкнуло дѣтей...

Онъ былъ интересный человѣкъ для дѣтей, но они не любили его и, предпочитая говорить о немъ между собой, рѣдко и неохотно разговаривали съ нимъ.

Когда Мэнъ пришелъ домой, птица очнулась. Сильнымъ движеніемъ всего тѣла она попробовала вырваться изъ рукъ стараго охотника, но онъ снова схватилъ шею ястреба желѣзными пальцами и тиснулъ ее такъ, что круглые глаза птицы странно повернулись и налились кровью. Чарли Мэнъ приблизилъ голову ястреба къ своему лицу и сказалъ ему кратко и просто:

— Убью, дружище...

Ястребъ, изогнувъ шею, вцѣпился клювомъ въ тылъ ладони Чарли Мэна — охотникъ вздрогнулъ отъ неожиданности и боли, сжалъ зубы и, приподнявъ птицу надъ головой, съ силою бросилъ ее на землю.

Хищникъ упалъ на бокъ, но тотчасъ-же повернулся на спину, распласталъ по ней крылья и вытянулъ ихъ передъ собой.

Его глаза, круглые и горящіе, неподвижно остановились на длинной фигурѣ охотника и на его красномъ лицѣ, остановились и сверкали, ожидая нападенія. Ястребъ приподнялъ голову, напрягая шею, и смятыя перья на его шеѣ грозно встали, вздрагивали каждое и всѣ...

Мэнъ взглянулъ на разорванное мясо руки, изъ нея обильно текла густая, темная кровь. Тогда онъ снялъ здоровой рукой ружье изъ-за плеча и приложилъ его къ щекѣ...

Птица еще больше вытянула когти, приподняла голову и съ дрожью къ крыльяхъ, простертыхъ по землѣ, съ огнемъ въ глазахъ смотрѣла, ждала...

Чарли Мэнъ медленно поднялъ голову и сѣрыми глазами взглянулъ въ небо, такое высокое, обширное въ этотъ ясный день. И опустилъ ружье къ ногѣ...

Подумалъ, спокойно разсматривая птицу...

Потомъ онъ положилъ ружье на землю, взялъ въ сторонѣ ящикъ, подошелъ къ птицѣ, ожидавшей минуту послѣдней для нея борьбы, накрылъ ее ящикомъ и, не спѣша, ушелъ въ домъ.

Его жены и дѣтей не было дома: они, какъ всегда лѣтомъ, уѣзжали къ дѣду на озеро. Они, какъ это извѣстно въ деревнѣ, не очень любятъ Чарли...

Минутъ черезъ десять онъ вышелъ снова, рука его была перевязана грубо и наскоро полотенцемъ, которое уже успѣло пропитаться кровью, въ другой рукѣ онъ несъ тонкую и крѣпкую веревку.

Снявъ ящикъ съ тѣла птицы, онъ опустился передъ ней на колѣни и сказалъ угрюмо:

— Не будемъ ссориться...

Ослѣпленная темнотой подъ ящикомъ, разбитая ударомъ о землю, птица лежала все въ той-же готовой къ бою позѣ, но голова ея теперь безсильно опустилась на землю, только одинъ желтоватый, круглый глазъ смотрѣлъ въ лицо Чарли...

И презиралъ его.

Чарли Мэну удалось накинуть на ногу птицы веревку и туго завязать ее. Ястребъ клёкоталъ, точно кровь кипѣла у него въ горлѣ... Но онъ былъ слишкомъ обезсиленъ и униженъ, чтобы драться.

Другой конецъ веревки Мэнъ привязалъ къ дереву, потомъ посмотрѣлъ на птицу, кивнулъ ей молча головой и, поднявъ съ земли ружье, ушелъ въ домъ.

Ястребъ повернулъ свой желтый, круглый глазъ вслѣдъ ему...

Потомъ приподнялъ крылья. Но они безсильно опустились...

Тогда птица подобрала одно крыло и, сдѣлавъ сильное движеніе всѣмъ тѣломъ, опрокинулась на бокъ... встала на ноги...

Опустила крылья, опираясь ими на землю и низко наклонивъ голову, — точно Чарли Мэнъ на ходу, — прыгнула разъ... два... свалилась на бокъ.

Заклёкотала злобнымъ клёкотомъ, негромко, хрипло и снова сѣла на землю, упираясь крыльями

въ пыль ея. Такъ сидя, измятая, разбитая, она, опустивъ хищную голову, смотрѣла круглымъ глазомъ на веревку, которая длинной, сѣрой и тонкой змѣей тянулась отъ ея ноги къ дереву; изломанныя перья дрожали мелкой дрожью.

Чарли Мэнъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на ястреба сѣрыми глазами...

* *
*

Птица оправилась дня черезъ три, она прыгала по двору, тяжело влача за собой измятое крыло и длинную веревку, прыгала и смотрѣла на все желтыми глазами, — острымъ взглядомъ тонко отточенной, холодной злобы...

Каждый день Чарли Мэнъ бросалъ ей куски сырого мяса, но ястребъ не дотрагивался до нихъ при охотникѣ; когда кусокъ падалъ около его клюва, птица расправляла здоровое крыло и прыгала прочь отъ куска, никогда не глядя на него... Послѣ куски мяса незамѣтно исчезали...

Для дѣтей деревни было большимъ удовольствіемъ забавляться съ ястребомъ Чарли Мэна. Они приходили къ его дому каждый день веселой ватагой, кричали на ястреба, хлопали руками и бросали камни въ угрюмую птицу, стараясь попасть ей въ этотъ желтый, строгій глазъ, почему-то раздражавшій ихъ.

Если камень падалъ близко отъ ястреба, птица косилась на него, оставаясь неподвижной,

если камень попадалъ ей въ тѣло, она, вздрогнувъ, отскакивала прочь отъ удара. И всегда — молчала...

И всегда Чарли Мэнъ сидѣлъ на крыльцѣ своего стараго, маленькаго дома, встрѣчая дѣтей и молча слѣдя за игрой съ ястребомъ. Стѣсняя ихъ веселье, онъ ничего не говорилъ имъ, но всѣ чувствовали на себѣ его мертвый, охлаждающій взглядъ, и каждому онъ казался лишнимъ здѣсь... Избѣгая ударовъ камнями, по травѣ передъ домомъ прыгала большая, угрюмая и злая птица, на крыльцѣ сидѣлъ, положивъ скулы на ладони, длинный, худой человѣкъ и смотрѣлъ на ястреба, на дѣтей, смотрѣлъ все время, пока они играли съ птицей, стараясь выбить мѣткимъ ударомъ камня ея злой глазъ.

Чарли Мэнъ молчалъ... Но было хуже, когда онъ неохотно и медленно бросалъ дѣтямъ нѣсколько словъ, одинаково скучныхъ и, пожалуй, даже глупыхъ.

— Вы, ребята, могли-бы, если-бъ захотѣли, бросить этой птицѣ пару цыплятъ. Для нея, я думаю, цыплята будутъ пріятнѣе камней и палокъ...

Въ другой разъ, когда маленькій Джонстонъ ловко ушибъ ногу ястреба, Чарли Мэнъ поднялся и почему-то заявилъ дѣтямъ:

— Я полагаю, — съ него довольно на сегодня... Вы могли-бы уже идти домой, ребята...

— Когда вы убьете дьявола, Мэнъ? — спрашивали его дѣти.

— Чтобы убить — не нужно много времени... — отвѣтилъ онъ.

* * *

Все это было скучно и охлаждало враждебный пылъ дѣтей, ненавидѣвшихъ вредную птицу со всею силой и искренностью чистыхъ сердецъ. И было странно, что съ той поры, какъ Мэнъ привязалъ ястреба, онъ самъ почти пересталъ выходить изъ дому.

Порою дѣти, раздраженныя птицей, бросались на нее, тогда она быстро опрокидывалась на спину, вытягивала когти, открывала клювъ и такъ ждала борьбы — вся взъерошенная и дрожащая, точно живой комъ дикой злости...

Въ такой моментъ возбужденія Чарли Мэнъ вставалъ, вытягивался и, казалось, готовился къ чему-то, что сразу отвлекало вниманіе дѣтей отъ ястреба. Они смотрѣли на Чарли Мэна, онъ на нихъ...

Имъ становилось холодно и жутко, подъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ...

И тогда они уходили прочь отъ непріятной, сѣрой птицы и отъ чудака...

* * *

Однажды послѣ такой сцены они ушли, а Чарли Мэнъ остался на крыльцѣ. Положивъ, какъ всегда, свои скулы на ладони, онъ пристально смотрѣлъ на птицу, утомленную прыжками, она прижалась вилоть къ стволу дерева, около котораго запута-

лась ея веревка, и голова ея опустилась къ землѣ, точно на ней невидимо лежало бремя долгой жизни или многихъ страданій.

Чарли Мэнъ смотрѣлъ на нее, пока стемнѣло, потомъ онъ всталъ и медленно подошелъ къ дереву. Птица вздрогнула, насторожилась, ея перья злобно встали...

— Это... не то, дружище! — пробормоталъ Чарли Мэнъ, отрицательно кивая головой.

И онъ пошелъ на птицу такъ, чтобы она, отступая передъ нимъ, распутала веревку. Сначала ястребъ противился, взмахивая крыльями, но когда онъ понялъ, что каждый новый кругъ около дерева, удлиняя веревку, отдаляетъ его отъ человѣка, онъ запрыгалъ по землѣ быстрѣе, еще быстрѣе... И вдругъ, взмахнувъ крыльями, поднялся, полетѣлъ, крикнулъ...

Веревка дернула его назадъ, онъ почти упалъ снова на землю, косо махая крыльями. И когда онъ сѣлъ на травѣ, его желтый, круглый глазъ уставился въ лицо Мэна, стоявшаго въ двухъ шагахъ.

Чарли Мэнъ осмотрѣлъ птицу, круто повернулся и, не спѣша, ушелъ въ домъ.

Онъ вышелъ оттуда сейчасъ-же и вынесъ ружье. Такъ-же, не спѣша, онъ подошелъ къ ястребу, приложилъ ружье къ плечу...

Туго натянувъ веревку, птица сидѣла неподвижно и круглый глазъ ея блестѣлъ во тьмѣ, глядя на Чарли Мэна въ его каменное, какъ всегда, лицо.

Голова ястреба была немного скошена направо. Мэнъ вдругъ усмѣхнулся, опустилъ ружье и сказалъ:

— Это — глупость, дружище... Не нужно это, я знаю...

Онъ качнулъ головой, и птица тоже какъ будто пошевелилась...

Мэнъ опустилъ ружье на землю и вынулъ изъ кармана ножъ, потомъ осторожно взялъ веревку и потянулъ ее къ себѣ. Ястребъ вздрогнулъ, взмахнулъ крыльями, готовый опрокинуться на землю и защищаться...

— Не дури... — тихо сказалъ Чарли Мэнъ. — Довольно глупостей... довольно для обоихъ насъ...

Онъ все подвигалъ птицу ближе къ себѣ, осторожно потягивая веревку — ястребъ, не спуская съ него взгляда, уступалъ силѣ, и вытягивалъ клювъ, медленно открывая его, готовый вырвать сѣрый глазъ человѣка.

Но Чарли Мэнъ коротким, быстрымъ ударомъ перерѣзалъ веревку у самой ноги птицы и тотчасъ отскочилъ. Испуганная его движеніемъ птица взмыла въ воздухъ... Радостно, громко крикнула и снова, какъ-бы не вѣря свободѣ, опустилась на землю...

Чарли Мэнъ, не глядя на нее, поднялъ ружье и пошелъ въ домъ...

Онъ слышалъ, какъ сзади него грузно хлопнули въ воздухѣ крылья — разъ, два и три... Но-

томъ во тьмѣ раздался мягкій шумъ полета большой, тяжелой птицы...

Человѣкъ наклонилъ голову и, не оглядываясь, скрылся въ домѣ...

...На утро снова явились дѣти, но птицы не было, а Чарли Мэнъ, одѣтый на охоту, усердно смазывалъ ружье.

— А гдѣ-же одноглазый дьяволъ? — вскричали дѣти.

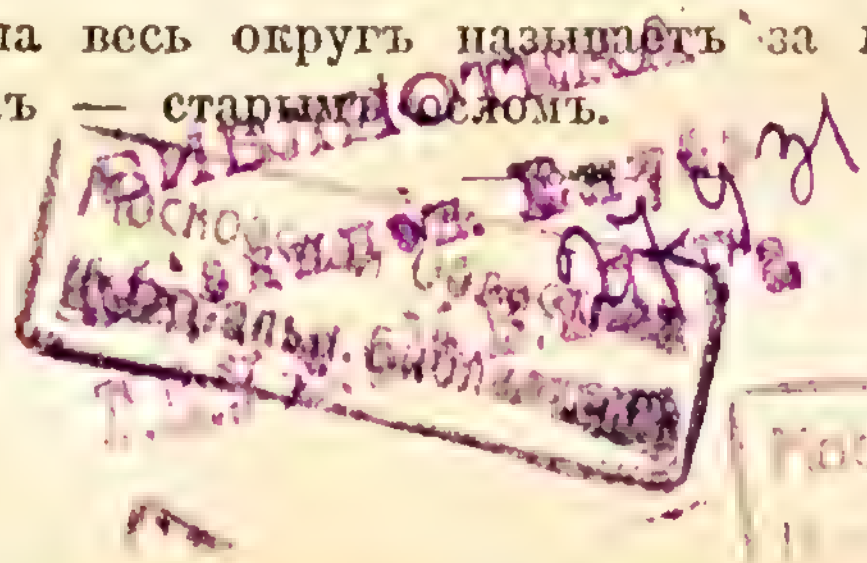
Это не относилось къ Чарли Мэну, и онъ молчалъ.

— Гдѣ ваша птица, мистеръ Мэнъ? — спросили дѣти, окружая охотника.

Онъ поднялъ свое красное лицо въ небо и, не сѣвши, отвѣтилъ:

— Улетѣла птица... какъ это было необходимо для нея.

— Вы отпустили ее? — изумленно и разочарованно закричали дѣти. — Чтобы она опять таскала куръ? Теперь, когда у всѣхъ цыплята?... Ого-го, мистеръ Мэнъ!

— Я ей сказалъ, — странно двигая губами заговорилъ Чарли Мэнъ, — я сказалъ ей, чтобы она не встрѣчалась со мной еще разъ... Но о томъ, какъ надо вести себя по отношенію къ домашней птицѣ... я, кажется, забылъ сказать ей?... Да, я позабылъ...

...Съ той поры знаменитаго охотника Чарли Мэна весь округъ называетъ за глаза не иначе какъ — старымъ осломъ.